

Делея Корника

Мишин Максим

Максим Мишин Делея Корника

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70120852

SelfPub; 2023

Аннотация

В недалеком будущем ученые нашли планету, пригодную для жизни человеческого вида. Туда отправили исследовательскую экспедицию. На планете была создана колония. Люди стали заниматься изучением чужого незнакомого мира. Возникла идея о том, что наша цивилизация может начать все с чистого листа. Но кроме полезных ископаемых и новых возможностей землянам предстоит найти ответы на важнейшие вопросы: кто мы? откуда произошли? к чему идем? И главный вопрос: удастся ли нам справиться с новыми знаниями и как это повлияет на нашу жизнь?

Максим Мишин

Делея Корника

Наступил очередной вечер. Сегодня, кажется, сорок третья или сорок четвертое число. Не помню точно. Надо проверить по календарю. Ну да. Уже сорок четвертое! Хотя что значит «уже»?! Это на Земле максимум тридцать один день в месяце. А здесь в среднем по девяносто пять, девяносто шесть. Какая все-таки удивительная штука жизнь. Когда пятьдесят три года назад ученые открыли эту планету, меня не было даже в планах. Да что там меня! Мои родители еще не родились. Когда я появился на свет, мир сильно изменился по сравнению с тем, чем был раньше. Все, что окружало меня там с пеленок, не удивляло, не заставляло потрясенно раскрыть рот. Наше поколение относилось к достижениям прогресса спокойно и почти равнодушно. Так же, наверное, как люди двадцатого века к электричеству, телевидению и холодильникам. Каждый год корпорации придумывали что-то новое. Они могли делать жизнь лучше, проще, интереснее. Но в итоге как по мне получалось обратное. Мы все больше и больше отдалялись друг от друга и от самих себя. Встретить в толпе прохожих искреннюю улыбку или просто живой взгляд было большой удачей. Сперва я пытался соответствовать времени, в котором живу. Получил образование инженера. Потом два года просуществовал в роли

технического специалиста в отделе контроля качества одной очень крупной отечественной корпорации. Я не получал от этой работы абсолютно никакого удовлетворения. Деньги сами по себе имели для меня небольшое значение. Я стал превращаться в того, кем быть не хотел. Но вот однажды, сидя в одном из баров, расположенном на сто одиннадцатом этаже, я увидел по телевизору то, что поменяло мою жизнь раз и навсегда. Съёмочная бригада постаралась на славу. Результат труда всех этих маркетологов, режиссеров и операторов заставил отставить стакан с темным пивом чуть в сторону и внимательно посмотреть ролик. Это был даже не совсем ролик. А скорее короткометражный фильм. О том, что же эта далекая планета, открытая удачливым астрономом из Франции, представляет собой. И какая это большая удача для всего человечества. Оказывается, после открытия сюда отправили роботизированный зонд в целях получения проб воздуха, грунта и проведения каких-то исследований. Зонд летел целых пятнадцать лет. Многие из научного сообщества сперва скептически относились к этой затее, а потом об этом постепенно стали забывать. Но после того, как пришли первые сигналы с долетевшего до цели робота, разразилась сенсация. Дело было в том, что планета в целом пригодна для существования человеческого вида. Но самое главное было то, что по результатам физических и химических анализов грунта стало очевидным: недра планеты скрывают большой запас различных полезных ископаемых. Можно теперь зна-

чительно меньше терзать свою Землю. Разрушать озоновый слой, загрязнять воздух, воду и почву всякой гадостью. В итоге по прошествии года состоялась грандиозно освещенная в средствах массовой информации встреча глав крупнейших государств. На третий день после заслушивания десятка научных докладов и галлонов выпитого кофе путем простого голосования было принято решение о направлении на новую планету экспедиции. Ее состав определили достаточно быстро. Имена этих героев тогда были у всех на устах. А сейчас из двадцати трех человек лично я могу точно назвать лишь одного.

Как все-таки они неудачно сделали эти окна. Даже высокому человеку, коим я являюсь, приходилось приподниматься на носочки, чтобы посмотреть сквозь толстенное окно на заходящую за далекими холмами звезду. Здесьшний аналог солнца грел недостаточно сильно. Он находится на расстоянии двухсот тридцати семи миллионов километров от планеты. Огромное, непостижимое для нашего сознания расстояние. Когда я произношу числа подобного рода применительно к расстоянию, ничто во мне не трепещет. Я просто не в состоянии себе представить подобное. Но это доказанный факт. Это имеющая теперь сильное влияние на мою жизнь данность.

Его заходящие лучи проникают сквозь стекло моей комнатки и окрашивают обращенное к нему лицо в странные цвета. Это является результатом специфического химиче-

ского состава атмосферы. Надоело немного. Я отошел от окна и улегся на кровать. Не глядя рукой нашарил рядом с собой в складках одеяла мультипульт. Направил его ослабевающей рукой в сторону окна, нажал соответствующую кнопку. В результате плотные шторы медленно опустились, закрыв окно и погрузив комнату во мрак. Мне это очень нравится. Я подловил себя на мысли о том, что каждый день после работы жду вот этого момента. Когда я окажусь в темной комнате. И ничто не будет так напоминать о том, как далеко я нахожусь от своего дома. Можно спокойно полежать под одеялом на спине, полностью расслабив тело. Подумать. Тишина и чуть прохладный воздух из системы кондиционирования этому очень способствуют. Моя жизнь до переезда не была особо насыщенной. Но, несмотря на это, всплывает полно воспоминаний. Да и мысли о настоящем все равно не отпускают. Единственное, что меня тут абсолютно устраивает, так это то, что отсутствует проблема с недосыпанием. Скорее наоборот. Длинные сутки вынуждают каждого стараться грамотно распределять свое время таким образом, чтобы период бодрствования пришелся именно на рабочие часы. В начале мне это не удавалось. Я приходил к себе после работы, принимал душ, чем-то занимал свой досуг и засыпал. А потом просыпался – и все. В брошюре по приезду нас всех, вновь прибывших, тщательно проинструктировали об особенностях жизни здесь. Пункт про отличие длины суток от земных не вызвал почти ни у кого чего-то похожего на

неудовольствие. Больше всего всех беспокоило то, что здесь туго с алкоголем. Администрация всеми силами старается организовать досуг поселенцев, однако на спиртное наложено табу. И, конечно, не с моральной точки зрения, а по причине банальной безопасности. Мало ли чего может прийти в голову какому-нибудь тихому и безобидному программисту, прилетевшему в такую даль, после пары выпитых стаканов. Не говоря уже о простых работягах вроде меня. Странная жизнь, оставленная за плечами, непростой и даже опасный труд в настоящем. Вместе с бухлом это может создать гремучую смесь. И надо отдать должное, что со временем даже самые беспокойные из нашего брата сорвиголовы согласились с сухим законом. Ведь так или иначе большинство из тех, кто здесь находится, решили поменять свою жизнь. И это всего лишь один из этапов.

Я проснулся, как по будильнику, в положенное время. Нежиться в постели не хотелось. Я встал и побрел в душ.

На HV-2102 (так незатейливо назвали планету при открытии) был недостаток в воде. Не вообще на планете. Здесь она была в достаточном количестве. А для нас, так сказать, приезжих. Администрация указала использовать для обеспечения контингента жидкостью мощные парогенераторы. Самое удивительное было то, что определяющим в принятии данного решения стал вопрос, касающийся максимального сохранения экосистем планеты. Мол, у себя не смогли, так хотя бы здесь. Вроде как появилась возможность начать историю

с чистого листа. Забавно, конечно. Особенно учитывая, что целью нашего появления тут является снова забирать, а не отдавать. И, как по мне, лучше этого вообще не понимать. Потому что странно на общих собраниях наблюдать выступления сотрудников из департамента экологии.

Практический смысл всей этой истории с водой заключается в том, что каждый человек имеет возможность принять душ трижды в течение суток. Три раза по четыре минуты. Три раза один и тот же напор и температура. В том случае, если ты моешься быстрее, сэкономленное время никуда не приплюсовывается, а превращается по окончании месяца в прибавку к зарплате в виде бонуса за экологию. Однако в целях гигиены каждый должен использовать в сутки минимум четыре минуты. Как мне рассказывали, это придумали не сразу. Сперва оказалось, что в колонии нашлись индивидуумы, готовые ради дополнительных ежемесячных выплат не считаться с вопросами личной гигиены и обонянием своих коллег.

Здесь даже женщины научились мыться строго в отведенное время. Никаких земных тридцати или сорока минут, разбитых в несколько этапов. А ровно четыре. И ни секундой больше. Мой личный рекорд составлял семнадцать секунд. Но сейчас я хорошенько себя намылил, все смыл и потом еще стоял, задумавшись, под водой все положенное время.

Выйдя из своего блока, я направился не спеша в сторону столовой. Поесть здесь можно почти всегда. Очень вкусно.

но и столько, сколько душе угодно. Это, кстати, послужило для многих причиной возвращения обратно, на Землю. Дело в том, что здесь, в колонии, вся еда абсолютно бесплатная. И без ограничения. Приходишь в зал питания, берешь поднос и, обливаясь слюнями, идешь с ним по одной из трех анфилад, образованных столами. Чего тут только нет. Это и понятно. Ведь за неимением остального еда является одной из немногих возможностей поднять себе настроение, успокоить внутренний порыв, который требует привычных для человека на Земле развлечений. Однако есть одно существенное «но». Каждый месяц все сотрудники проходят экспресс-осмотр у медиков. И главным является вопрос веса. Если ты набрал за истекший период лишние килограммы, то тебе дается возможность исправить ситуацию в ближайшие две недели. В случае, когда масса возвращается в границы нормы, от тебя отстают и ты можешь жить спокойно. Но если вдруг ты не справляешься, то тебя ждет комиссия, на которой несколько человек объясняют порядок возврата домой: время для сборов, дату медицинского обследования перед полетом, условия расчетов за выполненную работу по контракту. И никакие слезы и стенания, попытки достучаться до сердец руководства и просто серьезные разговоры с логично выстроенной системой доводов ни к чему не приведут. Эти каменные истуканы бессердечны. Хотя на самом деле они такие же люди. И у них есть сердца. Но здесь система. И в рамках системы надо четко придерживаться правил. Иначе

тебя на подобной комиссии, только более внушительной, так же отправят обратно. И ни один мускул ни у кого не дрогнет. Почему все так стараются удержаться здесь?! Ну, во-первых, это деньги, которые можно заработать. Очень большие деньги. За пару лет можно сколотить приличное состояние, с тем чтобы по возвращении на Землю жить спокойно подальше от города в милом уютном домике на процент от вклада. Завести семью, детей. Я часто читал об этом в старых книгах. И мне кажется это правильным. Ну а во-вторых, вопросы морали. Здесь все, несмотря ни на какие свойственные слабой человеческой природе недостатки, пропитано особым воздухом. Ответственность задач, трезвость, понимание каждым, зачем он здесь, минимальный запас личных вещей и отсутствие возможности прирастать бараклом тут, одинаковая повседневная одежда для всех без исключения с единственной разницей в том, что написано на нашивке на правом плече. И легкость в теле. Я всегда считал, что излишний вес даже в условиях современного умеренного комфорта – это не просто проблема физиологического плана. Это нечто большее. Это слабость. Тобой правит твой живот. Сперва физически, а потом кишечник перестраивает работу мозга. И ты уже не ты. Лично меня атмосфера легкости, пускай и созданная здесь искусственно, радовала. Один из самых распространенных пороков человечества, чревоугодие, на HV-2102 легко и непринужденно низведен до уровня лишь одного пункта под номером 7.87 в утвержденной администрацией коло-

нии инструкции.

Из всего манящего многообразия, как всегда, по заведенной для себя привычке я забрал к себе на поднос тарелку овсяной каши, пару бананов, апельсиновый сок, чудесный круассан с малиновым джемом и кекс с изюмом и орехами.

Сижу, ем. Вспомнилось, как играл в футбол в школе. Мы вышли в финал районного турнира. Был конец мая. Теплый вечерний воздух, запах скошенной травы, легкий, еле заметный ветер, принесший из соседнего со стадионом сада аромат сирени и еще чего-то. Терпкого и весеннего. Бессовестные девчонки из группы поддержки в коротких юбках готовились к игре. Перед началом матча мы с парнями разминались и смотрели на их ноги. Разминались и снова смотрели. Потом была игра. Все выложились на сто процентов. Но победили мы. Решающий мяч был забит после моей передачи. Мы валялись на траве, обнимались и радовались, как двухмесячные щенки. Главный приз, который я получил в тот день, был не кубок с медалями, не возможность для нашей команды принять участие в областных соревнованиях, а долгий и влажный поцелуй в щеку от девочки, которая нравилась мне больше остальных последние три месяца.

Мысли прервал голос из громкоговорителей. Всем сотрудникам, заступающим сегодня на смену в рудники, необходимо было явиться через тридцать минут в конференц-зал службы обеспечения безопасной жизнедеятельности. Мне нужно было в таком случае поспешить.

Через полчаса я сидел в третьем ряду. Рядом со мной галдели, шутили, перекрикивались. Через несколько минут в зале воцарилась тишина. Я обернулся. По проходу сквозь ряды в сторону трибуны шел руководитель службы безопасности Карл Бергер. Австриец по национальности, он был легендой колонии. Это единственный человек, который находился тут с самого первого дня. С момента высадки на планету десанта исследователей, военных специалистов, строителей. Он знал здесь каждый винтик. К тому же это был человек открытый, честный и прямой, заслуживший уважение всех без исключения колонистов. Карл добрался до массивного стола, бесшумно занял свое любимое место, оглядел присутствующих голубыми, как вода в высокогорном альпийском озере, глазами и заговорил на английском языке.

– Друзья мои, приветствую вас. Как вы понимаете, просто так я бы не стал вас собирать. Вопрос, который я хочу озвучить, очень важный. В данный момент он стоит в приоритете для всех заинтересованных служб. Дело в том, что вчера в шахте D произошло обрушение пород. Сейчас можно сказать определенно только одно: в результате происшествия пропал без вести наш с вами коллега Горан Илич. Он шахтер. К сожалению, пока поисковые мероприятия ни к чему не привели. Мы не понимаем, почему произошло обрушение, и мы не нашли ни одного следа пропавшего. Почему пригласили сюда не только специалистов из соседних шахт, но и наших коллег из направлений А и В? Все просто. В шах-

тах этих направлений тот же минералогический состав пород, а также схожий состав воздуха. Друзья мои, прошу вас всех при работе соблюдать установленные правила по технике безопасности. Также очень хочу, чтобы каждый из вас максимально серьезно отнесся к тому факту, что жизнь у человека одна и конец ее порой наступает внезапно. Берегите себя и своих товарищей. При малейшем подозрении возникновения нештатной ситуации вы должны немедленно остановить работы, известить ответственных сотрудников и приготовить средства защиты. Это все. Ничего сами не предпринимайте. Вы мне нужны не героями, вы мне нужны живыми.

«Странно все это, – подумал я. – Пролететь столько, чтобы тебя завалило в руднике черт знает где на другой планете».

Моя шахта находится по соседству с шахтой D. Однако то, что я услышал сейчас, не сильно меня тронуло. Мы всегда воспринимаем подобные новости как-то не так. Ну подумаешь, кого-то засыпало. Да, этому парню конец. Но я о чем-то подобном узнаю постоянно. От новостей никуда не деться. Мы закаляем себя просмотром захватывающих фильмов, где что-то взрывается, падает, взлетает на воздух, гибнет куча народу. Мы смотрим и жуем чипсы. Сеанс окончен, и память обнуляется. Да, кто-то обронит слезу, кто-то напряжется, спроецировав ситуацию на себя, но... Со мной это никогда не случится. Почему? Потому что не случится – и все. Я всегда буду здоров и проживу долгую и счастливую жизнь.

Вот и теперь я задумался о том, что не успел доесть на

десерт кекс с изюмом и орешками. Плевать. Надо еще успеть дойти до отдела связи. Я все время откладывал отправку видеописьма на Землю. Теперь, по моим подсчетам, я не связывался с близкими уже почти тридцать дней. Время летит просто как метеор. Стало немного не по себе – подумал о своих родителях, о маме. С отцом у меня никогда не было теплых отношений. Вообще не было никаких отношений. Он никогда не говорил со мной просто и по душам. Не интересовался тем, что у меня происходит в голове, с кем я общаюсь, о чем мечтаю. Но мама... Знаю, что она думает обо мне каждый день и, возможно, даже молится.

Через двенадцать часов я стоял вместе со своей командой на инструктаже. Еще одном, уже третьем за день. Инструктаж решили провести на платформе перед электропоездом, который должен отвезти нас, как обычно, в шахту. Нам дали расписаться в каком-то документе, затем мы погрузились по вагонам, и поезд бесшумно покатил вглубь пещеры. Через час я уже был полностью погружен в работу. Физический труд дает в этом плане прекрасную возможность все забыть, освободиться от мыслей и переживаний. Ты совершаешь одни и те же тупые движения и приближаешься к свободе. Это, как мне кажется, своеобразный вид медитации. Самый доступный и простой.

Вдруг я ощутил всем телом странную вибрацию. Отложив в сторону инструмент, я огляделся по сторонам. Все загрохотало вокруг, что-то сильно ударило по спине, и я упал.

Вспомнил слова Карла о средствах защиты и полез рукой в сторону противогаса, но тут же получил сильный удар по голове. Хорошо, что она в шлеме. Это были камни. Порода с потолка шахты стала обрушаться. Поняв, что мне необходимо убираться отсюда, я попытался встать, но меня тут же припечатала к полу глыба весом килограммов в пятьдесят. Я почувствовал резкую боль в ногах и стал терять сознание. Камней, которые продолжали засыпать мое тело, я уже не чувствовал. Так странно. Почему со мной?! Оказывается, это не страшно.

Глава 2

«Где я?» – эта мысль первая появилась в моей голове после того, как я что-то снова увидел. – Я должен был умереть. Значит, я умер. И где же теперь я нахожусь?!» Я абсолютно не чувствовал свое тело. Невероятная легкость в то же время не позволяла мне управлять собой. Я попытался повернуть голову, но ничего не вышло. Потом я попробовал отдать приказ руке пошевелиться. Исход был аналогичным. Меня окружала почти сплошная тьма. Почти потому, что откуда-то снизу распространялось странное свечение. Оно обволакивало меня и не было статичным. Сияние мерцало оттенками бледно-голубого цвета и перемещалось подобно клубам дыма. Мне стало страшно. Я продолжал думать о том, что все-таки умер и теперь нахожусь там, куда

попадают все остальные после смерти. Физически я ничего не чувствовал, и только состояние неопределенности давило со всех сторон. Забавно, что даже после смерти люди продолжают переживать и не дают себе покоя.

Прошло много времени. По моим ощущениям, около трех-четырех часов. Все это становилось невыносимым. Я стал думать, что окружающее меня пространство и самое мое состояние не изменятся никогда. Или оно будет длиться очень долго. Годы, десятилетия, века. Возможно, это такой вид наказания, о котором меня в свое время не предупредил мой знакомый священник. Безумное желание заорать разрывало мою голову изнутри. Тело продолжало не слушаться. Отчаяние охватило меня безраздельно.

Внезапно все вокруг залил яркий белый свет. Он не ослепил меня, не смотря на то что до этого была крошечная тьма. Но этот свет был непроницаем, и я ничего не видел за ним. Через несколько мгновений я услышал голос. Он шел как будто со всех сторон.

– Тебе не стоит переживать. Скоро все закончится.

Неожиданно я почувствовал, что могу наконец говорить.

– Кто ты? И где я нахожусь?

– Не спеши. Я пока не уверен до конца, что ты способен получить всю правду сразу и без остатка.

Мне не очень понравился этот ответ.

– Хорошо, давай по порядку, – ответил я.

– Отлично. У меня к тебе есть вопрос. Ты думаешь, что

умер?

– Да.

– Понял. Это не так. Физиологически твой организм продолжает функционировать. Ты помнишь, что с тобой произошло?

– Да, конечно. За то время, что я тут нахожусь, я многое успел вспомнить и обдумать.

– Хорошо. Твое состояние – это вынужденная мера. Тебе сильно досталось там, в пещере. Мы решили спасти тебя и вылечить. То голубое мерцание, что ты видел все это время, – результат работы нашего прибора регенерации. Он, с моей точки зрения, немного устарел, но основную функцию продолжает выполнять исправно. Именно он восстановил в твоём организме все необходимые функции жизнедеятельности.

– Кто ты такой? – снова вырвалось из моих уст. – И почему я ничего не чувствую и не могу ничем пошевелить?

– Не волнуйся. Такая уж у этого устройства специфика работы. А с остальным давай разберемся немного позже, когда ты окончательно будешь готов. Потерпи, осталось порядка двух часов. Если говорить вашим земным языком.

Голос пропал. Я был сильно взволнован этой фразой. Что значит «земным языком»?! А кто тогда он?! Ведь мы только что общались и понимали друг друга! Нужно ли говорить, что эти несколько часов прошли для меня непросто? Сперва я пытался, используя свою фантазию, представить, что или

кого мне предстоит увидеть. Я понимал, что помочь может только фантазия, но никак не мой предыдущий опыт, поскольку здесь речь идет о чем-то неординарном и чужом. Если, конечно, все происходящее не какой-нибудь тупой эксперимент парней из научного отдела. Хотя какой к черту научный отдел?! Там у них в помине нет подобного оборудования. Это точно. Мой мозг никогда не работал так судорожно и интенсивно, как сейчас. Это привело к тому, что через некоторое время я провалился в какой-то смысловой вакуум. Время остановилось, мозг отключился и не хотел выполнять свои функции. Я один в целой Вселенной. Никого и ничего вокруг нет. Я песчинка, я атом. Меня несет сквозь космос все дальше и дальше навстречу новым звездам и планетам. Неважно, кто я, кем был и что думал. Значение имеет только каждый следующий шаг. Я стал приходить в себя. Серое вещество в моей голове вытащило меня из тумана. Я снова ощутил прикосновение реальности, какой бы она ни была.

Страх ушел. Я ощущал легкое волнение в ожидании того, что я смогу узнать уже совсем скоро. Мне кажется, что если бы я был в состоянии управлять своим телом, то с моего лица не сходила улыбка.

Потом этот голос появился снова.

– Процедура завершена. Сейчас мы все отключим.

Голубое свечение исчезло. Меня развернуло и поставило на ноги. Резкий белый свет стал ослабевать, и ко мне нако-

нец вернулся контроль над своим телом. Взглянув на себя, я понял, что стою абсолютно голый. Потом посмотрел перед собой. В пяти метрах от меня находился человек. Человек ли это?! Да, это человек. Высокий, около двух метров ростом, с карими глазами и абсолютно лысой головой. Он был одет в очень интересный костюм. Я не заметил на нем ни одного датчика или чего-то похожего на систему жизнеобеспечения. Он был абсолютно гладкий и покрывал все тело этого человека, кроме головы. Костюм имел темно-серый цвет и выглядел необычно за счет эффекта светопоглощения. Я продолжал стоять на месте в нерешительности, а он направился в мою сторону. Остановившись в паре метров от меня, человек заговорил.

– Меня зовут Кейнгарн. Как ты себя ощущаешь физически? Есть ли какие-то жалобы?

– Нет. Спасибо. Все, кажется, в порядке. Только мне некомфортно стоять здесь в таком виде.

– Это странно. Ведь нет ничего более комфортного и естественного, чем это.

– Да, я думаю, что ты, конечно, прав. Но мне все равно некомфортно и здесь прохладно. Поэтому я бы хотел одеться, если можно.

– Хорошо. В таком случае прошу следовать за мной.

Помещение, где мы находились, было круглой формы. Оно имело в диаметре около двенадцати метров. Вдоль стен стояло какое-то оборудование. Я такого точно нигде не ви-

дел. Пол, стены и потолок сияли белым цветом. Здесь было светло, но я не обнаружил тут ни одного источника света. Из помещения вел только один проход. Кейнгарн развернулся и направился к нему, будучи, видимо, уверенным, что я обязательно последую за ним. Так и произошло. Мы шли недолго по коридору, дважды повернув налево. По дороге я обратил внимание на несколько автоматических дверей. Каждая из них имела иллюминатор. Но разглядеть, что было за ними, не представилось возможным. Также я не понял, как и чем эти двери управляются. Нигде рядом с ними не было пульта или чего-то в этом роде. Кейнгарн остановился около одной из дверей. Она была больше предыдущих. Мой спутник дотронулся правой рукой до костюма в районе запястья на левой руке. После этого дверь исчезла. Она не съехала в сторону или куда-то вверх, она просто растворилась. Мы прошли, и дверь за нами снова материализовалась. Про себя я твердо решил, что не буду ничему удивляться.

Мы оказались в большом отсеке. Он был в форме треугольника, дальняя вершина которого находилась на расстоянии от входа, примерно в тридцати метрах. Вдоль стен и в центре этого отсека располагалось оборудование. На каждой из консолей что-то мигало и светилось, однако, несмотря на работающую технику, в помещении висела тишина. В конце отсека стояли четыре массивных кресла с расположенными перед ними приборными панелями.

– У вас тут интересные двери, – произнес я, с тем чтобы

начать разговор.

– Да, у нас тут много интересного.

Он нажал на кнопку на консоли рядом с ним. Перед нами из пола выросли два стула. Затем он достал из выдвинувшегося ящика какие-то тряпки. Это была моя одежда. Та самая, в которой меня завалило.

– Оденься. Мы это почистили. Надеюсь, что тебе будет комфортно.

Я с удовольствием достаточно быстро оделся, так как мне надоело разгуливать голышом. После этого натянул на ноги ботинки, которые тоже оказались в свертке. Теперь, почувствовав себя увереннее, я посмотрел Кейнгарну в глаза и спросил:

– Что со мной будет дальше?

– Присаживайся, Павел.

Я присел на один из стульев. Мой собеседник сделал то же самое.

– Откуда ты знаешь мое имя? На форме этого нет.

– Мы взломали вашу информационную систему. Сведения о тебе мы получили оттуда.

– Взломали нашу DataCastle? Это же нереально! Она оснащена последней степенью безопасности.

После этого я осекся и замолчал. Подумал о том, как наивно и глупо выгляжу со стороны. Ладно, все в порядке. Я обещал себе не удивляться. Нужно постараться сдержать слово.

– Хорошо. Ты можешь мне ответить на вопрос? Сейчас

пока остальное не интересно.

Он смотрел на меня сосредоточенно, но приветливо.

– Да, я тебя слушаю.

– Где я нахожусь?

– Ты на планете Квилеса. Все, что ты видишь вокруг, – это наш космический корабль. Я его капитан и руководитель миссии.

Все у меня внутри сжалось, дыхание с сердцебиением участились.

– Что еще за Квилеса?! Где это находится? – испуганно произнес я каким-то чужим голосом.

– Квилеса – это наше название планеты. Вы ее зовете NV-2102. Ты на той же планете, что и был до ситуации в руднике.

Липкий неприятный страх немного отступил. Я снова могу себя контролировать. Дыхание начало восстанавливаться.

– Я испугался. Решил, что вы меня куда-то телепортировали или что-то в этом духе.

Я продолжал громко сопеть ноздрями, а на его лице появилось подобие улыбки.

– Телепортация – непростой процесс. Мы научились с ним работать. Но пока делаем это только на своей планете.

– Извини, но я все равно не смогу сейчас обсуждать какие-то сложные технические моменты. Хотелось бы разобраться в основном. Ты понимаешь, о чем я говорю?!

– Да, понимаю тебя. Ты находишься в плену эмоций. Вы

еще пока не научились с ними правильно жить. Они мешают вам воспринимать окружающую действительность реально и принимать взвешенные решения. Но тебе не стоит бояться. Ничего плохого в земном понимании этого вопроса с тобой здесь не произойдет.

– Тогда ответь, пожалуйста, еще на один вопрос.

– Говори. Я слушаю.

– Кто вы такие?

Мои зрачки расширились. Я чувствовал, что именно следующих слов капитана я ждал все это время. Они были у меня в голове и не давали покоя, как маленький камешек, что попал вам летом в кроссовок. Кто они такие и что они делают здесь?! Осознание того, что простой инженер с Земли, который прилетел сюда работать отбойным молотком в пещере, сейчас узнает то, что все мы тщетно пытались понять на протяжении веков, сводило судорогами мой мозг. Кейнгарн внимательно смотрел на меня и не спешил отвечать. Через несколько секунд произнес:

– Мы представители цивилизации Хортенс с планеты Делея Корника.

Я собрался и решил не останавливаться, поэтому задал следующий вопрос:

– Вы на самом деле выглядите именно так? Я имею в виду то, что вы похожи на нас. Или просто это образ, созданный для меня, чтобы мое сердце не остановилось от увиденного?!

– Нет, мы выглядим так, как ты видишь меня. Но здесь

есть одно существенное уточнение. Это не мы похожи на вас, а вы похожи на нас! Если говорить еще конкретнее, то это мы создали вас.

Я скрестил руки на груди и тяжело выдохнул. Мой взгляд не мог остановиться на чем-то конкретном. Он блуждал по отсеку в поисках опоры и не мог ее найти. Вдруг я нащупал что-то в нагрудном кармане. Это оказалась обертка от шоколадной конфеты марки «Звезда». Я достал ее и повертел в руках. Этот мятый никчемный кусок продуктовой фольги с яркими надписями вернул меня в состояние реальности. Мы чего-то стоим: выращиваем хлеб, создаем машины и самолеты, добываем руду, летаем в космос, делаем, в конце концов, очень вкусные конфеты. Что он сказал?! Они нас создали? Но как это возможно?!

– Ты можешь мне подробнее рассказать об этом? Хотя нет, сейчас не стоит. Иначе у меня взорвется голова. Я поймал себя на мысли, что вдруг я просто сплю и это все лишь сон. Что скоро проснусь и пойду завтракать.

– Нет, Павел. Это не сон. Но в другом ты прав. Сегодня больше информации не будет, с тебя пока достаточно.

Он провел левой ладонью по правой руке в районе запястья. Там засветилось что-то вроде дисплея. Кейнгарн нажал туда несколько раз и после этого снова заговорил.

– Сейчас к нам присоединится моя помощница. Ее зовут Федея. Она отвечает в составе нашей миссии за вопросы взаимодействия. Но, учитывая ваши культурные особенности,

я решил пригласить ее после того, как ты оденешься.

– Она?! У вас тут на корабле есть девушки?

– Да. А какая разница, кто именно входит в состав нашей группы?! У вас же тоже есть девушки в колонии!

– Не знаю. Я просто растерялся. Да, у нас есть. Как ее зовут? Повтори, пожалуйста.

– Федея. А вот и она.

Я повернул голову и сразу все забыл. В отсек вошла ошеломляющая своей красотой девушка. Ее идеальная фигура была также обтянута серым костюмом, но, невзирая на это, я не смотрел куда-то вниз на грудь или ноги. Мое внимание всецело было приковано к ее лицу. Большие миндалевидные глаза темно-голубого цвета, правильной формы нос, сочные губы и невероятно сильные на вид и длинные волосы темно-каштанового цвета. И именно волосы, развеваясь вопреки законам гравитации, дополняли ее образ неземными чертами.

Она подошла к нам. Кейнгарн встал со стула. Я последовал его примеру. Федея обратилась к капитану:

– Хам ар наибетеке?

Кейнгарн в ответ лишь слабо кивнул. После этого она заговорила со мной на уже понятном для меня языке:

– Павел, приветствую тебя на нашем корабле. Меня зовут Федея. Моя цель в этой миссии – это собирать данные о вас и в случае возникновения необходимости выстраивать каналы взаимодействия с представителями вашей цивилизации.

– Безусловно, наше с тобой знакомство – это следствие стечения обстоятельств, – продолжила девушка. – И не самых, как мне представляется, приятных. Но, как бы то ни было, ты сейчас здесь. И нам предстоит впереди узнать друг друга немного лучше.

– Федея, мне очень приятно с тобой познакомиться. А ты всегда такая?

Она пару раз хлопнула своими ресницами, взглянула на Кейнгарна и потом переспросила:

– Какая? Что ты конкретно имеешь в виду?

– Ты говоришь как робот.

Ее взгляд и в целом выражение лица слегка изменились. Стали более человеческими. Ситуацию решил поправить капитан корабля.

– Павел, Федея – один из наших лучших научных специалистов. Несмотря на то, что по нашим меркам она достаточно молода, уверен, что вам удастся выстроить правильную коммуникацию между собой.

– Достаточно молода – это сколько?! – я решил задать бестактный земной вопрос.

– Мне сорок семь лет, – ответила она наконец с улыбкой на лице. – У меня еще все впереди в плане получения опыта и развития интеллектуального баланса.

Я опешил от услышанного.

– Сорок семь лет – это молодой специалист для вас? Вы серьезно или просто так шутите?

– Нет, конечно, – ответил Кейнгарн, – тебе пока и так непросто, поэтому раздражать твой мозг искажением информации мы не намерены. Дело в том, что мы живем в среднем около ста семидесяти лет. Некоторые дотягивают до двух сотен. В рамках этого сорок восемь лет – это лишь начало пути.

– Все ясно. Ладно, я понял. А почему вы так характеризуете юмор?

– А как бы ты его описал? – ответил он вопросом на вопрос.

Я решил принять вызов, несмотря на кашу в моей голове.

– Юмор – это когда мы высмеиваем какие-то недостатки в нас, в окружающих нас явлениях, людях, их мыслях и поступках, предметах материального мира.

– Ты смеешься только над недостатками?

– Нет. Думаю, что вы правы. Можно также смеяться над преувеличенными достоинствами или преимуществом.

– Хорошо. Пусть будет так. То есть это происходит тогда, когда что-то вокруг тебя выходит за рамки нормального и привычного?

– В целом да, но иногда можно рассмеяться над чем-то обычным. То есть когда ничего из ряда вон выходящего не случилось. У всех людей разное отношение к жизни и соответственно разное чувство юмора.

– Я понял. Мое отношение к этому простое. Если мы получаем любую информацию извне и она не идет вразрез с

нашим устоявшимся отношением к происходящему, то мы, скорее всего, смеяться не будем. Но когда какой-то факт из нашей жизни окрашивается чем-то дополнительным, это уже может вызвать приступ смеха или какую-то схожую с этим реакцию. Я говорю о преувеличении, о подмене понятий, о парадоксальном окончании какой-то фразы, неестественном поведении. Ты понимаешь, о чем я?

– Да, думаю, что понимаю. Вы имеете в виду, что любая естественная и нормальная шутка строится на том, что мы в нее что-то добавляем. Правильно вас понял?

– Да, я считаю именно так.

– Но можно же посмеяться и над чем-то, что не выходит за рамки привычного?! Ну, например, какой-то странный поход к врачу, где оказываешься в неудобной ситуации и потом смеешься над ней по прошествии времени.

– Да, можно. Но это защитная психологическая реакция. И она связана с субъективной оценкой ситуации тем, кто в нее попал. А субъективная реакция – это тоже в некотором роде искажение действительности.

– Хорошо. В целом соглашусь. У меня тогда вопрос. А вы сами у себя на планете смеетесь над чем-нибудь?

– Да. Наш с вами мозг устроен одинаково. Мы различаемся в развитии, но эта функция доступна. Кроме того, попробуй понять, что у нас жизнь, все общественные механизмы и взаимоотношения выстроены таким образом, что нет причин высмеивать какие-то их стороны и прибегать к смеху и

юмору как защите. Вы, земляне, часто смеетесь первые сами над собой или какими-то событиями вашей личной жизни, чтобы не услышать смех в вашу сторону со стороны окружающих.

Я задумался над тем, что он сказал. Да, скорее всего, он прав. В нашей жизни на Земле все еще очень много связано с внутренним миром каждого, с его психологией и отношением к внешнему миру. Но потом почему-то вспомнилась мой преподаватель по психологии из университета Ирина Максимовна. Ей было около шестидесяти лет, когда я учился. Однажды на лекции она с очень важным лицом рассказывала нам о Фрейте, а потом поскользнулась и упала за кафедру с невероятным грохотом. Это было глупо, но я не удержался и рассмеялся.

– Почему ты смеешься? – с улыбкой на лице спросил у меня капитан.

Сквозь смех я ответил:

– Ничего такого, не обращайтесь внимания. Вспомнил один случай из университета. Все-таки смеяться над глупостями – это здорово, как по мне.

– Ладно. С этим разберемся позже. Я прошу меня извинить, но я должен вас покинуть. Павел, оставляю тебя Федее. После этого Кейнгарн ушел. Мы остались вдвоем.

– Что мы будем делать с тобой? – спросил я у девушки.

– Сегодня уже ничего. Я сейчас провожу тебя туда, где ты сможешь отдохнуть и набраться сил.

– Отлично. Это то, что нужно.

Федея проводила меня в новое помещение, которое было похоже на обычную комнату отдыха. Здесь стояла кровать, стол с каким-то устройством на нем и стул. Кроме этого, в дальнем правом углу располагалась еще одна дверь.

– Здесь ты сможешь найти все, что тебе будет необходимо для восстановления. Кровать очень удобная, на столе стоит компьютер, на котором ты сможешь при желании включить музыку, фильм или аудиокнигу. Та дверь ведет в комнату гигиены. Там есть кабина для омовения и устройство для опорожнения твоего организма.

– А какой фильм я могу включить?

– Какой захочешь. У нас есть здесь доступ ко всему, что было снято у вас на Земле. То же самое касается музыки и книг.

– Здорово. Спасибо тебе. А как я могу поесть и попить чего-нибудь?

– Для этого я размещу сейчас на твоей руке специальный интерактивный браслет. По нему мы сможем контролировать твое физическое и эмоциональное состояние. А ты сможешь заказывать еду и при необходимости связываться со мной, если у тебя возникнут какие-то просьбы.

После этого она надела мне на левое запястье что-то вроде электронных часов. Федея очень подробно проинструктировала меня, как всем пользоваться, и затем собралась уходить. Перед выходом она остановилась и обернулась ко мне.

– Я надеюсь, что тебе удастся хорошо отдохнуть. У тебя был непростой этап. И я обещаю, что в дальнейшем постараюсь вести себя с тобой проще и человечнее. Так, кажется, у вас говорят?!

– Да, у нас так говорят. Еще раз спасибо.

– Пожалуйста.

Федея покинула комнату, и я остался один. Сперва я присел на кровать. Она действительно была очень удобной. Ее поверхность повторяла те части моего тела, которые соприкасались с ней. Что-то вроде наших матрасов с эффектом памяти. Только здесь после прекращения контакта поверхность сразу становилась ровной. Я застыл в одной позе. Мозг продолжал испытывать перегрузки после увиденного и услышанного за сегодня. Поэтому я снова оказался в состоянии транса. Глаза смотрели в одну точку, сердцебиение было как у тибетского монаха во время медитации. Через какое-то время мой браслет издал звук. Я нажал на кнопку на нем. Это было получено аудиосообщение: «Павел, как ты себя чувствуешь? Наблюдаю изменения в показателях». Это была Федея. Я улыбнулся, стряхнул с себя задумчивость и ответил: «Все в порядке. Не беспокойся. Я просто переутомлен и сейчас немного завис. Как компьютер. Понимаешь меня?» Ответа пришлось ждать недолго. «Да, я понимаю. Тебе нужно поесть, выпить воды и принять капсулу восстановления. Нажми на браслете кнопку зеленого цвета».

Я выполнил указание. В стене напротив меня чуть правее

стола появилось окошко. Из него на подносе выехало то, что мне было нужно. Я встал с кровати и подошел. Там стояла непрозрачная бутылка черного цвета, тарелка с чем-то непонятным на ней, отдельно на подносе лежала таблетка и приборы. Взяв поднос, я отправился с ним за стол. «Хрень какая-то», – эта мысль не давала мне покоя, пока я рассматривал содержимое тарелки. Выглядело все однородным и фиолетовым. Было видно, что еда не сырая, что она прошла термическую обработку. Потеряв надежду разобраться в составе моего ужина самостоятельно, я снова отправил сообщение Федее. Ответ пришел незамедлительно. «Это сбалансированный ужин. Там есть мясо птицы лумадунак. Оно очень питательное и полезное. Остальное – это зерна аррозы и сочетание наших овощей. Тебе должно понравиться!»

«Надеюсь, что мой организм справится с этим».

«Не переживай. Я бы не рекомендовала это для тебя в противном случае. А что именно тебя не устраивает?»

«Меня не устраивает цвет. Почему все фиолетовое?»

– «Такой цвет из-за витона. Это один из важнейших овощей, который мы регулярно употребляем. Если есть дополнительные вопросы, то задавай».

«Спасибо. Пока помолчу».

Примерно через пару минут, окончательно настроившись, я поднял ложку с подноса, взял в нее максимально возможное количество этой фиолетовой массы, зажмурился, открыл рот и решительно опрокинул содержимое ложки внутрь, как

будто я кочегар на старом речном пароходе. Несмотря на то, что ложка была не маленькой, еда во рту растворилась почти моментально. Вкус был еле уловимый и напоминал рагу. Организм никак не отреагировал на то, что я проглотил. Однако появившаяся в желудке после длительного перерыва пища резко активизировала непреодолимое чувство голода. Поэтому через короткий промежуток времени тарелка была пустой. Затем я открыл бутылку и сделал небольшой глоток. Это была вода. После этого я, уже совсем успокоившись, положил в рот таблетку и запил ее. Мне хотелось спать, но я решил попробовать включить компьютер и что-то посмотреть на нем. Хотя бы недолго. Сделать это не вышло, так как буквально через две минуты меня размазало физически и психологически. Тело слушалось, но стало ватным и как будто не совсем моим. Внутри все успокоилось, тревога растворилась, и у меня поднялось настроение. Настолько, что я позволил себе улыбнуться всему тому, что со мной произошло за последние сутки. Главное, что пришло мне на ум именно сейчас, когда я перестал нервничать, так это то, что я остался жив. Я не валяюсь где-то там в пещере под тяжеленными камнями. Я получил второй шанс. Зачем-то я еще нужен.

Еле добравшись до кровати и скинув с себя куртку, я лег на спину и почти сразу уснул.

Проснулся я сам. В том смысле, что мне ничего не мешало отлично выспаться. Продолжать лежать на кровати не хотелось. Я встал и пошел в комнату гигиены. Там я опорож-

нил свой мочево́й пузырь и потом помылся. И если с первым вопросом не возникло, то с омовением все было не так просто. Я забрался в кабину, нажал на кнопку. Хорошо, что она была тут одна и я в принципе не мог ошибиться. Первые несколько мгновений ничего не происходило. Я поднял голову вверх: там в потолке кабины была тьма мелких отверстий. Вдруг из них резко и густо повалил пар. Он не был горячим или холодным, я вообще не почувствовал его прикосновения к моей коже. Не понимая, что необходимо делать дальше, я все равно продолжал стоять. Пар заполнил собой все пространство кабины. Он был как туман. Густой и непроницаемый. Затем пар почти моментально растворился. Над дверцей кабины загорелась зеленая лампочка. Федея говорила, что это сигнал к окончанию процедуры. Я выбрался наружу и огляделся. Кожа была уже сухой, только волосы еще не до конца отдали всю влагу. Я подумал о том, как было бы здорово выведать у Кейнгарна принципы действия всех этих штук, которые окружают меня на их корабле. После этого можно было сразу лететь на Землю. Через год или два я бы уже стал миллиардером, самым известным и выдающимся изобретателем. Я бы вылечил при помощи того голубого облачка всех людей на планете. Эта короткая мысль рассмешила меня. Кто бы мне дал вылечить их всех?! А куда бы делись медицинские корпорации, куда бы делись правительства с их бюджетами и развитием здравоохранения в странах с отстающими экономиками?! Нет, об этом нечего и

думать. Да и кто я такой?! У меня не хватило бы сил сделать все это. Или, возможно, дело не в этом, скорее не в этом. А в том, что я обычный парень с добрым сердцем. Так мне говорила моя бабушка – что у меня доброе сердце. Куда мне до всех этих огромных акул, что плавают в высоких кабинетах и решают судьбы всех остальных, кто поменьше, там, на Земле?!

Я не спеша оделся. Есть не хотелось. У меня проснулся совершенно иной голод. Захотелось узнать побольше о моих новых знакомых. Я отправил сообщение Федее о том, что хочу встретиться с ней. Она на этот раз ответила не сразу. Федея сообщила, что придет за мной через час. Сейчас она занята. Я решил, что если впереди целый час, то я должен что-то перекусить.

«Федея, у меня вопрос. Могу ли я поесть что-то больше похожее на земную пищу?»

«Нет, Павел. Пока ты наш гость, тебе придется есть то же, что и мы. Это связано с тем, что ваша пища далеко не вся полезна. А мы хотим, чтобы твое пребывание у нас осталось незаметным для твоего организма».

«Странно, – ответил я. – А как же свобода воли?! Вы мне не оставляете выбора».

«Да, ты прав. Но посмотри, что свобода сделала с вами на Земле. Я желаю тебе приятного аппетита. Увидимся через час».

Она ясно дала понять, что не намерена продолжать об-

щение. Поэтому я просто громко выдохнул и нажал на зеленую кнопку на браслете. Снова открылось окошко. Снова появился поднос. Я подошел. Черная бутылка стояла на том же месте. На тарелке было что-то похожее на козьи какашки. Рядом с ней лежала ложка. Я выругался. Но любопытство пересилило остальные чувства. Переместившись за стол, я тут же приступил к трапезе. После разжевывания эти шарики коричневого цвета напоминали по консистенции шоколад, но по вкусу это было нельзя сравнить с чем-то определенным. Будто разом смешали неизвестные источники абсолютно неизвестных вкусов. Но это было вкусно, по-настоящему вкусно! Поэтому я достаточно быстро оставил на столе пустую тарелку.

Спустя пять минут я почувствовал себя иначе. Видимо, это сказался мой завтрак. Сердце стало биться чаще, и я ощутил пульсацию крови в конечностях. Было похоже на эффект от крепкого кофе. Я встал и начал ходить по комнате. В голове крутилось много вопросов, которые я хотел задать. Очевидно, что мне дадут возможность узнать только то, что я смогу понять. Подняв глаза, я увидел ее. Федея пришла бесшумно и теперь цинично смотрела на меня глазами ученого.

– Привет, ты готов?

– Привет. Да, я готов.

Через паузу она ответила.

– Как самочувствие после завтрака?

– Чувствую себя полным сил. Как будто выпил кофе.

Только нет лишней тревоги. Классное состояние. Это у меня после еды?

– Да, после нее.

– Что это за ерунда?

– Это комплексный завтрак номер девять.

– Номер девять?! То есть существует еще как минимум восемь видов этих шариков?

– Да. Всего их пятнадцать. Рекомендации по употреблению каждого из них зависят от физического состояния человека и того, чем ему предстоит заниматься. Что тебя смущает в нем?

– Их вид. Они похожи на дерьмо.

– Странные вы земляне. Ну какая разница, как выглядит еда?! Она была вкусной?

– Да.

– Хорошо. Кроме этого, поверь, что это было еще и очень полезно для тебя. Остальное не имеет значения.

– Ну как скажешь. Что будем делать?

– Прошу тебя следовать за мной.

Мы вышли из комнаты и отправились налево по коридору. Федея привела меня в небольшой отсек примерно в двадцать квадратных метров. Пол, стены и потолок слабо светились приятным оттенком желтого. В центре стоял стол и два стула. На столе лежал какой-то прибор. Федея жестом предложила мне присесть.

– Что это за устройство?

– Это проектор. Он позволит нам при необходимости в ходе диалога обращаться к каким-то визуальным данным.

– Понял. С чего мы начнем?

– Я бы хотела узнать побольше о тебе. В данный момент меня интересуешь ты и твои мотивы. Естественно, что если у тебя возникнут какие-то вопросы ко мне, то я постараюсь на них ответить. Идет?

– Да.

– Хорошо. Тогда начнем. Почему ты решил прилететь сюда?

– Что ты имеешь в виду?

– Ты не ученый. И решение не могло быть продиктовано профессиональным интересом. К тому же это далеко. Неизвестный новый мир. Неизвестное – значит чужое. Чужое – значит страшное. Ты себя ведешь достойно. Но страх для тебя так же, как и для всех остальных землян, – это пока неотъемлемая эмоция.

– Выходит, ты хочешь понять, как я смог преодолеть свой страх?

– Да, можно сказать и так. Интересно, как ты на его фоне решил лететь.

Я отвернулся от Федеи и вспомнил свою земную жизнь.

– Одним словом не ответить. Но, наверное, просто устал там находиться. Я пытался найти какой-то стимул. Занимался спортом, потом начал учиться рисовать, затем стал брать уроки игры на скрипке. Люди приходили в мою жизнь и ухо-

дили. Никто из них не мог меня чем-то зацепить. Все было каким-то пустым. Хотел найти любовь, но не вышло. Было какое-то общее разочарование от процесса. Потом был алкоголь. Он мне помогал. Он всегда на какое-то время помогает. И вдруг я увидел рекламу по телевизору. Меня как током ударило. Сразу почему-то решил, что полечу, чего бы это мне ни стоило. Ожидал от путешествия того, что наконец начну жить. Как будто был под водой и не мог дышать и нужно выбраться на поверхность.

Я замолчал. Федея внимательно смотрела на меня. Через паузу она спросила:

– Как ты думаешь, тебе это помогло? Ты достиг того, чего хотел?

– Да, конечно. Нет сомнений в этом. Здесь, несмотря на особые условия, я живу по-настоящему. И самое главное, что я стал иначе смотреть на мою предыдущую жизнь. Я понимаю теперь, что внешнее нераздельно связано с внутренним. Тот земной я не мог справиться с этой задачей и считал окружающую действительность лишенной смысла. Но на самом деле это было потому, что он считал себя лишенным смысла. А сейчас я тут. Меня наполняет значимость моей собственной жизни. И через это я вижу, что все остальное вокруг меня и здесь, и на Земле имеет смысл.

– Хорошо. А как ты думаешь, ты смог бы прийти к такому же пониманию, находясь на Земле?

– Да, я думал об этом. Что-то мне мешало. Как будто по-

вязка была на глазах. Возможно, что и там я бы смог поменяться. Но на это ушло намного больше времени.

– Спасибо за ответ. Павел, а какая твоя цель сейчас? К чему ты идешь?

Этот вопрос вызвал у меня смех. Федея смотрела на меня с интересом. Ее глаза сузились.

– Почему смеешься?

– Потому что я теперь не знаю. До того, как меня завалило в той пещере, я хотел всего лишь заработать достаточно денег, вернуться обратно на Землю, построить дом где-нибудь на природе. Семья, дети, обывательский рай. Сейчас я говорю об этом с иронией. А тогда подобная идея казалась отличной.

– А что поменялось теперь?

– Ты серьезно это спрашиваешь?

Федея не ответила на мой вопрос.

– Помню, помню. Вы тут не шутите. Постараюсь объяснить ход моих мыслей. И то, что чувствую. Я должен был умереть, пропасть. Вы зачем-то вытащили меня с того света. Не понимаю – зачем?! И теперь я являюсь первым землянином, которому довелось прикоснуться к другой цивилизации. От такого голова идет кругом. Так о какой цели может идти речь?!

– О твоей цели. Не цели человечества, твоих работодателей здесь на Квилесе или твоих родителей.

Я молча сидел и смотрел ей прямо в глаза. Мой мозг ста-

рался не сломаться.

– Что ты имеешь в виду? Что мы все слишком много смотрим по сторонам?

– Да, именно. Вы пока не дошли до этого. У вас впереди свой путь. А пока вы много думаете о том, что вас окружает. Подавляющее большинство решений, которые вы принимаете, строятся на ожидании того, как отреагирует мир рядом с вами.

– И что дальше?! Начнешь мне говорить о внутренней свободе?

– Нет. У вас ее нет, зачем в таком случае тратить на это время?! То, что ты осознаешь это головой, не поможет. Именно поэтому интересны твои мотивы и эмоции, которые ты испытал, принимая решение лететь сюда.

– Так что же тебя интересует на самом деле?! То ты говоришь о страхе, теперь об отсутствии внутренней свободы.

– Как же ты не понимаешь, что основным является твой страх. У вас их очень много. Кроме основного страха смерти, есть страх одиночества, страх отсутствия признания окружающими. Тебе было страшно на Земле, когда ты понял, что твоя жизнь не имеет смысла. И пить ты начал не от скуки, а чтобы заглушить в твоей голове эти мысли. А уже потом страх создает все остальное. Вы до сих пор, несмотря на большие технические достижения, являетесь пещерными людьми. И за редким исключением при виде чего-то незнакомого ваша первая реакция – это понять: бежать или сра-

жаться.

Я почувствовал обиду за всех землян в своем лице, поэтому попробовал перехватить инициативу в разговоре.

– Федея, скажи мне, пожалуйста, почему ты считаешь, что можешь так говорить о нас? Откуда такая уверенность?

– Потому что вы – это мы. Только у нас внушительная разница в возрасте. Ваша цивилизация намного моложе.

– Ты можешь мне об этом рассказать?

– О чем именно?

– О том, как мы появились.

Она внимательно посмотрела на меня и через мгновение ответила:

– Да. Могу.

– Вот так просто?!

– Это не просто. К тому же я не смогу поведать все, так как просто не знаю все. Данная информация доступна в полном объеме лишь небольшому кругу людей. И я к этому кругу отношения не имею.

– Хорошо. Спасибо тебе.

– Это я сделаю не из любезности или моего отношения к тебе. Так должно произойти. Поэтому благодарить не стоит. Ты готов?!

– Да.

– Нашей цивилизации около миллиона лет. И первые триста тысяч из них были непростыми. За это время мы дважды чуть не уничтожили сам себя.

– Как это произошло?

– Первый раз это произошло из-за того, что вы зовете религией.

– Не могу в это поверить!

– Во что именно? В то, что у нас была религия, или в то, что мы из-за этого чуть себя не истребили?

– Удивительно в первую очередь то, что у вас в принципе есть такое явление, как религия. А почему ты говоришь об этом в прошедшем времени? Что она была!

– Мы с вами похожи. И наш мозг на схожих этапах развития пытается обращаться с внешним миром почти одинаково. В религии и мы, и потом вы искали смыслы. Пытались защититься от страха, боли и одиночества. В итоге это приводило к еще большим страданиям.

– Но ведь это не всегда было так. Есть люди...

– Павел, единичные случаи не имеют смысла, когда в целом из-за этого люди готовы убивать друг друга. Да, это может звучать для тебя грубо, но еще раз: я говорю не о вере, а о религии. И это разные вещи.

– Какие это были религии?

– Это не имеет значения, Павел. Поверь мне. Сначала она была одна. И это было самым главным в жизни нашей цивилизации на протяжении ста тысяч лет. Но постепенно люди начали меняться. Жизнь перестала быть похожа на то, что было написано о ней в чистых книгах первоотцов. И вина в этом лежала на людях. На всех. Потом появилось новое на-

правление. Многим стало казаться, что именно оно поможет исправить нашу цивилизацию. Вернуть всех нас на путь свежести и истины. В итоге через пятьдесят тысяч лет количество верующих в обеих религиях стало примерно одинаковым. И вскоре первые решили напасть на вторых. Война длилась тридцать четыре года. Первые проиграли. Это был жуткий период в истории. Погиб примерно один миллиард человек. После этого мир на планете воцарился на долгое время. Да, он периодически нарушался, когда одна территория нападала на другую. Но в целом все было спокойно почти сто пятьдесят тысяч лет. К этому моменту лидеры вторых укрепились во мнении, что их больше, они сильнее и могущественнее. И это было так. Их лидер по имени Зерват считал, что вторая война рано или поздно произойдет. Поэтому он стал готовить для этого почву. Первых стали везде обвинять в том, что они снова собираются напасть. Что они не утратили окончательно духа реванша за старое поражение. Стала возникать напряженность. Тут и там происходили инциденты. Территории, которые исповедовали первую религию, действительно начали готовиться к войне, так как стали бояться внезапного вторжения превосходящего в силах и численности противника. Эта информация послужила поводом. Вторые нанесли по указу Зервата превентивный удар. На этот раз война длилась всего полтора месяца. Но погибло в ней семь миллиардов. Это произошло из-за применения оружия массового поражения.

Я молчал. У меня не было слов для того, чтобы что-то произнести. Я ощущал всем своим существом острую боль за тех, кто был свидетелем происшедшего, за тех, кто мучительно погиб. Но потом, через мгновение, боль сменилась ненавистью к тем, кто оказался настолько самоуверен, тщеславен и глуп, чтобы организовать этот ужас. Федея внимательно смотрела на меня.

– Как ты себя чувствуешь? Ты готов продолжать слушать?

– Да, все в порядке. Я готов.

– Теперь, думаю, ты понимаешь, почему я говорю о религии в прошедшем времени?!

– Да, конечно. У нас на Земле тоже из-за этого, насколько я знаю, постоянно были проблемы. Но то, что рассказала ты... Как же потом вы смогли прийти в себя? Как вообще после такого можно дальше жить и что-то снова делать?!

– Это произошло не сразу. Еще около десяти лет после этого наш мир находился в состоянии агонии. Мы и правда тогда были на грани вымирания. Но нам повезло. Нашлись люди, которые в той ситуации смогли найти силы, чтобы возглавить новое движение.

– А что случилось с этим Зерватом?

– Он мучительно погиб. Его убили соратники, скормив диким гармиям. Но это их не спасло. Они тоже впоследствии все были перебиты.

Эта информация, не смотря на дикость услышанного, вызвала во мне удовлетворение.

– Неудивительно, что он кончил именно так.

– Павел, мы все живем в тех обстоятельствах, которые заслуживаем. И все так или иначе виновны в том, что случилось тогда.

Я опустил голову. Вспомнил, как однажды стал свидетелем похорон молодого солдата. Ему едва исполнилось девятнадцать лет. Все были одеты в черное. И только бледные лица, похожие на гипсовые маски, создавали невыносимый контраст.

Я не понимаю, почему именно эта картина возникла перед моими глазами. В тот день дул сильный ветер. Кладбище находилось на небольшой возвышенности, и с места, где темнела неизвестностью могила, было видно далеко вокруг. Я не мог больше смотреть на людей и вглядывался вдаль. Священник закончил произносить молитву. Мой мозг воспользовался этой тишиной и унес меня куда-то далеко. Я был вне досягаемости горя, смерти и этих бледных лиц. Я вспомнил свое детство. Легкое и теплое. Мама чем-то гремит на кухне, отец смотрит новости и невнятно бурчит себе под нос. Собака развалилась на ковре и лениво смотрит по сторонам. Интересно, есть ли у тех, кто отправляет молодых парней куда-то умирать, мама и папа?! Были ли они когда-то маленькими?! Мне кажется, что нет. Как можно принимать подобные решения и потом жить?! И как ты это сможешь объяснить?! Не кому-то другому, а самому себе. Как-то же они себе это объясняют.

Я вернулся в комнату к Федее. Она все так же внимательно смотрела на меня.

– Я все понимаю. Ты близко к сердцу воспринимаешь то, что я тебе говорю. Как ты себя чувствуешь? Может быть, ты хочешь пить?

– Да, я бы не отказался от простой воды.

– Хорошо.

Федея нажала на браслет, и в стене за ее спиной в образовавшемся проеме появился поднос уже знакомой мне формы, на котором стояла все та же черная непрозрачная бутылка. Федея встала и принесла ее к столу. Я сделал несколько глотков и понял, что пью через силу. Мне хотелось снова слушать. Отставив бутылку в сторону, я нетерпеливо вжался в свое кресло и попросил ее продолжать.

– Результатом того, что произошло, стало появление новой идеи. Ее реализация позволила нам изменить общество в целом и каждого человека в частности. Мы окончательно поняли, что общественные интересы, интересы цивилизации важнее, чем мнение отдельно взятого человека. Но если не изменить изначальные установки в голове каждого, то ничего не выйдет. Какой бы идеальной ни была система новых принципов. Многие из оставшихся тогда людей пришли к мысли, что именно так и должно было произойти. Нас должно было стать мало. Мы должны были быть загнаны в угол, чтобы потом восстать против самих себя.

– И что конкретно вы сделали? В чем заключается то но-

вое, о чем ты говоришь?

– Наши предки отменили существование всех территорий с имевшимися формальными отличиями. Мы поделили планету на несколько административных зон, исключительно исходя из климатических принципов. Были упразднены армии.

– А если бы на вас напал кто-то извне?! – перебил ее я. – Кто бы защитил планету?

– До войны мы были на достаточно высоком уровне развития науки. По этой причине мы обладали невероятно мощными видами вооружения. Но они были в руках военных. А эти люди смотрят на мир несколько иначе. Ведь ни один из них не пытался предотвратить войну тогда, когда это было возможно. Потом, конечно, оставшиеся в живых стали говорить, что оказались в ловушке. Они должны были выполнять свой долг так, как они его видят, как им предписано. С точки зрения новых лидеров военные, как представители принципов антисозидания и разрушения, были больше не нужны. Все вопросы, связанные с защитой порядка на планете, были отданы в совместное ведение гражданских органов управления и научных организаций. Огромное количество оружия было уничтожено. Кое-кто из военных пытался сопротивляться данным процессам. В итоге представители этого движения либо были уничтожены, либо отказались от своих планов и приняли решение создавать новое будущее вместе со всеми.

Я не мог говорить. Было тяжело сидеть. Тело стало как будто в два раза тяжелее. Я крепко держался левой рукой за стол, чтобы не упасть.

– С тобой все в порядке? – спросила у меня девушка.

– Не уверен на сто процентов. Голова тяжелая, и снова пересохло во рту.

– Это нормально. Ты не восстановился до конца после клинической смерти. И теперь на тебя свалилось слишком много информации, большая часть которой не может не шокировать. Если ты не готов...

– Нет. Я готов. Давай продолжим. Это как с татуировкой. Как бы ни было больно, лучше сделать все сразу, чтобы не приходиться потом еще раз.

Федея смотрела на меня с удивлением. Не знаю, какое впечатление я производил на нее. Но я чувствовал себя больным. Руки тряслись, глаза горели, а сбившееся дыхание не собиралось восстанавливаться. Услышанное придавило меня морально еще сильнее, чем те глыбы в пещере сдавили физически. Однако, несмотря на это, жажда внутри не давала остановиться. Эту жажду нельзя было утолить водой. Я хотел услышать все, что она могла рассказать.

– Хорошо. Мы продолжаем. Я думаю, что теперь ты понимаешь, почему я говорила о религии в прошедшем времени. С этим всем было покончено. И, несмотря на опасения многих, этот процесс был быстрым и бесповоротным. Уничтожили все.

– Но а как же люди, которые искренне верили во что-то свыше? Ведь нельзя просто взять и перестать верить! Даже под страхом смерти ты внутренне все равно будешь ощущать связь с теми силами, что все создали и упорядочили.

– Да, согласна с тобой. Но тогда наши предки не могли иначе. Поэтому было запрещено абсолютно все, связанное так или иначе с религией и верой во сверхъестественное происхождение всего сущего. Потом пройдет много времени, шрамы зарубцуются, и снова проявится желание верить. Видимо, это является неотъемлемой частью нашего интеллекта и психологии. Примерно через тысячу лет людям снова разрешили верить. Но это стало делом каждого, делом индивидуальным. Таким, каким оно и должно было быть. Вера должна помогать жить, а не создавать проблемы.

– Но ведь вера должна, помимо всего прочего, и объединять людей?!

– Павел, она объединяет одних против других. Как это было у нас. Так же, как это происходило у вас. И вы смогли уйти намного дальше в этом отношении. У вас на Земле люди могли убивать друг друга, будучи сторонниками одной и той же религии. Небольшие отличия делали одних мусульман врагами других, позволяли католикам и протестантам истреблять друг друга без сожаления. Пойми это. Над нами не может быть ничего общего вроде страны или религии. Мы не должны делиться на основании придуманных людьми различий. Это всегда приведет к трагедии. И всегда найдутся

те, кто попытается это использовать в своих целях.

В этот момент нас прервали. Дверь в отсек открылась, и в него вошел человек. Это был мужчина в том же сером костюме, что и у остальных. Он был ниже ростом, чем мы. Всего около ста семидесяти сантиметров, однако мощные грудь и плечи, которые, кажется, вот-вот должны были порвать ткань костюма, зеленые острые глаза и огромная коричневая борода создавали особое ощущение появления чего-то нестигаемо сильного и подавляющего.

– Заратсалде он. Зергатик этори зара? – спросила у незнакомца Федея. Ее глаза стали сразу мягче, а голос спокойнее.

– Гонбидату эзагут этори наиз. Дена ондо отерако. Бере аманго дут, – ответил он.

– Хорошо, Павел. Это Эркиза. Наш второй пилот. Также он отвечает за безопасность миссии.

– Добрый день, – произнес я, всматриваясь в его бороду.

– Не переживай, Павел. Федея покинет нас, а мы с тобой познакомимся. После я провожу тебя до твоего отсека.

– О чем вы говорили на вашем языке?

– Именно об этом и говорили. У нас есть свои протоколы.

В присутствии постороннего ей нельзя было обратиться ко мне на понятном тебе языке.

Я посмотрел на Федею. Она улыбнулась мне, встала и, не проронив более ни звука, покинула помещение. Эркиза сел за стол и положил свои огромные ладони на его край.

– Как тебе моя борода?

Я был несколько ошарашен таким вопросом, поэтому промямлил что-то несуразное.

– Ничего, большая. И цвет.

Мой собеседник улыбнулся.

– Я не хочу, чтобы ты был напряженным. Насколько я знаю, вы сегодня обсуждали важные вопросы. Но теперь постарайся это не учитывать и поговорить со мной, как со своим старинным другом.

– Это будет непросто. Я пока под впечатлением от того, что услышал от нее.

– Да, понимаю. Непросто это все. Но ты слишком восприимчивый парень. Даже у вас жизнь достаточно продолжительна, чтобы переживать из-за всего подряд.

– Всего подряд? У вас погибла почти вся цивилизация за несколько месяцев. Как тут не быть восприимчивым?! А сколько вам лет?

– Мне сто тридцать шесть лет, – медленно ответил Экинза. – Твои предположения в целом верны. Я уже многое увидел за свою жизнь, поэтому отношусь ко всему проще. Не так интенсивно. Я пытаюсь это донести и до Федеи, но она пока молода и хочет достичь максимума во всем. Я был таким же, как она. И я знаю, к чему это приведет позднее. Когда она достигнет отметки в сто лет, я уверен, большинство ее взглядов сильно поменяются. И она станет более человеческой. Что ты думаешь на этот счет?

– По поводу Федеи? Не знаю, что сказать. Вы все здесь

немного как роботы. Хотя вы, Эркиза, кажется, являетесь исключением.

– Да, я именно об этом. Мы многое поменяли в процессе развития цивилизации. У нас ушла тревога, растворился страх, мы все живем полноценной и здоровой жизнью. Но это является некоей стерилизацией. И понимать это начинаешь с возрастом. Мне импонирует то, что происходит у вас на Земле. Вы на данный момент смогли не уничтожить себя и остаться людьми. Вы переполнены эмоциями и чувствами, и все это делает вас именно людьми. Такими, какими и мы были раньше.

– Выходит, что мы с вами на данном этапе диаметрально противоположны?!

Он задумался на пару секунд.

– Ты имеешь в виду те периоды, когда мы с вами действительно живем?

– Да. Вроде того. У нас сперва мы переполнены желаниями, эмоциями. Мы все время куда-то летим и думаем, что жизнь бесконечна. Но потом превращаемся в другое. Накатывает страх смерти где-то там вдалеке. Мы начинаем себя беречь, делать что-то одно и то же каждый день. И, наверное, перестаем по-настоящему жить. А у вас наоборот. Сперва вы, как роботы, идете к цели, пытаетесь чего-то достичь, а потом прозреваете и начинаете смотреть на все иначе. По крайней мере, ведут вас уже другие стимулы.

– Похоже на правду, Павел. И как тебе такое?

– Я знаю, как это выглядит на Земле. Поэтому ваш вариант мне нравится больше.

– Почему? – с улыбкой спросил он.

– Потому что вы приходите к пониманию важных вещей еще полными сил. И это круто. Вы уже достаточно мудры, чтобы трезво судить о происходящем и не совершать глупых ошибок, присущих землянам в молодости.

– С этой точки зрения звучит неплохо. Но с другой стороны выходит, что мы по своему мышлению и отношению к жизни всегда старики. У нас всегда все под контролем. Все продумано и вычищено от лишнего. А на самом деле это лишнее – как раз то, что делает людьми вас. И чего лично мне очень не хватает у нас. Какого-то порыва, сумасбродства. Понимаешь меня?

– Да, понимаю.

– Ну и отлично. Пойдем тогда, я провожу тебя.

Мы пришли ко мне в отсек. Эркиза на прощание улыбнулся и сказал, что завтрашний день мы проведем вместе.

– Чем именно мы займемся?

– Мы пойдем гулять. Все, теперь отдыхай. До завтра.

– Спасибо вам. До свидания.

Он ушел, и я снова остался один. Мне было комфортно. Есть не хотелось. Я заказал себе при помощи браслета воду, забрал с подноса из проема в стене бутылку, сел на кровать и стал пить.

Несмотря на то, что Федея рассказала мне сегодня о про-

исшедшем на их планете, я продолжал вспоминать похороны. Там была маленькая девочка лет двенадцати с невероятно красивыми голубыми глазами. Она как будто находилась в стороне от всего происходящего. Я остановил случайно свой взгляд на ней и долго не мог отвести. Девчонка смотрела на взрослых и ничего не могла понять.

Я решил подойти и заговорить.

– Привет, как тебя зовут?

– Оля.

– Сегодня сильный ветер. Ты не замерзла?

Она в ответ сжала губы и отрицательно мотнула головой.

– Мне кажется, тебя напрасно сюда взяли. Тебе не страшно?!

– Нет, – ответила она. – Я просто не понимаю, почему взрослые такие странные.

– Что ты имеешь в виду? – спросил я не без удивления.

– Все они любили Ивана. Каждый из них по сто раз говорил о том, что война – это ужасно и люди не должны воевать. Никто из них не хотел, чтобы он шел в армию. Но его все равно кто-то забрал туда, и потом его там убили. И теперь они все надели черное и плачут.

– А что ты бы хотела, чтобы они делали?!

– А я откуда знаю? Я маленькая, это вы все взрослые. По крайней мере, так говорите. А на самом деле ведете себя как малыши.

На следующий день Эркиза пришел за мной, как и обе-

шал. Он все так же излучал оптимизм и часто улыбался.

– Ну что?! Ты готов?

– Вы так спрашиваете, будто нас ждет что-то не совсем обычное, – также с улыбкой ответил я.

– Для переживаний нет никаких причин. Постарайся взять себе за правило: не тревожься раньше времени.

– Как скажете! Постараюсь быть как вы в этом плане.

– Вот и чудесно. Возьми: это блок от твоего личного костюма. Здесь всего лишь одна кнопка. Полностью разденься и прилепи его на поясницу, затем нажми на кнопку.

Я выполнил то, что он сказал. Ткань за секунду приняла форму моего тела. Было очень необычно.

– Я его совсем не ощущаю. Как будто стою голый.

– Это не самое плохое ощущение, Павел.

– Да, возможно. Просто нужно привыкнуть.

– Ну что ж, вперед.

Преодолев несколько переходных отсеков, нам удалось выбраться на поверхность планеты. Был день. Мы находились в центре небольшой по размерам долины, окруженной со всех сторон хребтами гор. Цвет грунта был серо-голубой. Он отличался от того, что я видел вокруг нашей колонии и в пещерах. Здесь и там росли неказистые кусты и небольшие деревья.

– Эркиза, здесь все вокруг отличается от того, что я видел ранее.

– Да, ты прав. Эта планета по-своему так же разнообразна,

как Земля или Делея Корника. Пойдем прогуляемся к тем камням.

И мы пошли. Скафандр не закрывал голову, и я старался дышать максимально глубоко. После нескольких дней, проведенных в закрытом пространстве, каждый новый вдох свежего воздуха доставлял удовольствие. Было приятно идти, осознавая, что я здесь, скорее всего, первый землянин.

– Как долго вы тут находитесь?

– Мы наблюдаем за этой планетой около двухсот лет. Если ты имеешь в виду нашу миссию, то она здесь всего тринадцать месяцев. Было решено направить нас сюда, с тем чтобы внимательнее приглядеться к вашей работе здесь на Квилесе.

– Какие цели вы преследуете?

– Целей масса. Эта планета пригодна для жизни нашего вида, поэтому мы хотим понимать, что и зачем вы тут делаете. Безусловно, вы сильно продвинулись вперед в техническом плане, но вы еще слабы для того, чтобы мы могли вам доверить еще одну планету.

– Слабы? Что вы имеете в виду?

– То же, что и остальные. Уверен, что Федея тебе говорила об этом. Вы все еще живете вещами, а не идеями. Вы на естественном пути эволюции, но, исходя из того, что я знаю, вряд ли в ближайшее время мы сможем наблюдать изменения.

– Эркиза, вы отвечаете в вашей миссии за безопасность.

Могу я задать прямой вопрос?

– Да, пожалуйста.

– Нашей колонии может угрожать опасность?

Он остановился и посмотрел мне в глаза. Ветер развевал его бороду. Эркиза выглядел угрожающе.

– Я отвечу тебе честно. Если вы будете себя вести так же, как сейчас, то нет. Если вы начнете масштабную экспансию по разработке ископаемых и станете завозить сюда больше людей, чем мы считаем допустимым, то нам придется вмешаться.

– Вы меня забрали к себе для этого? Чтобы предотвратить конфликт?

– Ты умнее, чем выглядишь. Не обижайся на это. Кейнгарн изначально был высокого мнения о твоих умственных способностях. Он сказал, что нам повезло с тобой.

– А вы были другого мнения?

– Да. Но какое это сейчас имеет значение.

Мы приблизились к камням, про которые говорил Эркиза. Оказалось, что это громадные валуны размером с трехэтажный дом. Их было четыре штуки, и они стояли уступами.

– Павел, давай остановимся здесь. Какой из этих камней тебе нравится меньше остальных?

Я не понял смысла вопроса. Но сказал, что пусть это будет тот, что ближе к нам. После этого второй пилот, недолго думая, дотронулся до запястья его правой руки. Произошла

деформация, и вместо кисти я через доли секунды уже видел какой-то прибор, похожий, судя по продолговатой форме, на оружие. Затем Эркиза направил свою правую руку в сторону камня. Из устройства со слабым потрескиванием вылетел луч. За мгновения здоровенный камень, который стоял тут, очевидно, миллионы лет, попросту расплавился. При этом выделилось много газа и пара, но ветер немедленно унес их в сторону от нас.

– Что это было? – выпалил я от страха.

– Это то, что всегда со мной. Как ты теперь понимаешь, мой костюм отличается от остальных.

Уверен, что со стороны я выглядел жалко. Несмотря на все пережитое мною в последние дни, эта сцена вновь заставила себя почувствовать беспомощным и неготовым.

– Павел, успокойся. Как тебе и говорили ранее: с тобой ничего плохого не случится, пока ты среди нас.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну подумай сам. Нам ты нужен. На этой планете сильнее нас никого нет. Поэтому с нами ты в безопасности. Что может случиться с тобой, когда ты попадешь снова к своим, до конца не ясно. Но мы и с этим что-то придумаем, когда придет время, чтобы ты мог выполнить свою миссию достойно и не дергался.

– Вы думаете, что они могут начать...

Я не договорил. Да, они так и думают. Так же думаю и я. Вряд ли земляне поверят мне сразу. Точно посадят на ка-

рантин, но по факту это будет арест. Затем я не исключаю психологического или медикаментозного воздействия. Ведь они тоже думают о безопасности. Пусть и по-своему.

– Хорошо, но зачем нужно было все это демонстрировать?

– Потому что одно дело слушать рассказы Федеи, и совсем другое – один раз увидеть. И эта игрушка – самое слабое из того наступательного арсенала, что мы имеем в наличии. Я, может быть, выгляжу со стороны как тщеславный мальчишка, который пытается похвастаться тем, что у него есть. Но это преследует одну цель: ты должен понять, что с нами вам нужно дружить и прислушиваться к нашему мнению, если мы посчитаем нужным его высказать.

– Я вас понял. Мы можем еще немного прогуляться? Я устал находиться в замкнутом пространстве.

– Да, конечно. У нас полно времени.

Минут двадцать мы шли молча. Я был чуть впереди, а Эркиза следовал за мной бесшумно. Поэтому мне удалось на какое-то время представить себе, что кроме меня тут никого нет. Я иду один по чужой планете, которая, возможно, станет когда-то нам всем вторым домом.

– Скажите, пожалуйста, а почему вы так негативно относитесь к идее расширения нашей колонии?

– Потому что пока вас немного, то вами движет научный интерес. Ваше сообщество здесь регулируется аскетичными нормами равенства и взаимной поддержки. Вы почти как мы в этом отношении. Но мы не должны забывать, что основной

целью экспедиции является добыча полезных ископаемых. То есть выгода. И это выгода не всей вашей цивилизации, а каких-то конкретных людей. То есть за всем этим стоит та же дифференциация, что и всегда. Если вас станет больше, то вы не сможете управлять колонией так, как сейчас. Начнутся конфликты, нарушения правил защиты экологии, бездумные решения об экспансии в другие регионы планеты, потом вы привезете гору оружия, чтобы сдерживать друг друга.

Не разговаривая вплоть до возвращения на корабль, мы гуляли еще около получаса. Потом второй пилот потрянул своей бородой, улыбнулся и оставил меня одного в моем отсеке. Я снял скафандр и отправился в комнату гигиены. После этого я поел и решил поспать. Меня до сих пор периодически одолевала внезапная усталость. Как же здорово лечь в форме звезды и провалиться в безопасный и целительный сон.

Вечером ко мне пришла Федея. Она предложила снова пройти в тот отсек, где мы разговаривали вчера. Как только мы сели за стол, Федея заговорила.

– Я надеюсь, ты правильно понял то, что увидел сегодня днем вместе с Эркизой. Помимо моих слов, тебе необходимо было прикоснуться к чему-то реальному и серьезному. Мы решили это сделать таким образом. У нас впечатление, что психологически ты справился с этим на отлично. Соответственно, мы можем продолжить наше совместное изучение. Что скажешь?

– Да, я сперва, конечно, сильно испугался, но потом быстро пришел в себя. Я понимаю, зачем вы это сделали. У меня получилось хорошо отдохнуть, так что теперь я готов к продолжению.

– На чем мы с тобой остановились?

– Я уверен, что ты все отлично помнишь, Федея!

Она улыбнулась мне. Первый раз, как мне показалось, это было естественно.

– Да, конечно, я помню. У тебя много стресса. Каждый день ты испытываешь негативные эмоции. Я наблюдаю за состоянием твоего организма через браслет. Но интересно, что ты сам чувствуешь, все ли помнишь и осознаешь.

– Да, все в порядке. Спасибо. Пока я еще в своем уме.

– Прекрасно. Тогда не будем терять время, пока ты не сошел с ума.

Я рассмеялся.

– Давай. Мы с тобой закончили разговор на том, что, по твоему мнению, религия в итоге разделяет людей, а не объединяет.

– Все верно. Сейчас мы с тобой коснемся вопроса, который беспокоил тебя с самого начала. Речь о том, зачем и как мы создали вас.

– Хорошо. Ты говорила, что всего не знаешь. Но главный вопрос для меня – все-таки это почему у вас возникла необходимость в этом. Что это был за эксперимент?

– Это был не эксперимент, Павел. Была необходимость. Мы на тот момент не видели иной возможности сохранения нашей цивилизации.

– Что же случилось?

– К нам прилетел астероид. Он был небольшого размера и не мог разрушить планету. Наши ученые наблюдали за его приближением около шести месяцев. Расчеты падения были проведены верно. Благодаря этому удалось избежать жертв. Прибывшие на место специальные службы начали изучение того, что собой представляло это небесное тело. Первые заключения были умеренные. Но потом, через месяц после столкновения, начали умирать люди. Таких симптомов мы еще не знали. Стало понятно, что это незнакомый вирус, который был занесен к нам вместе с астероидом. Люди мобилизовали все свои возможности, в работу включились луч-

шие умы. Комиссия располагала беспрецедентными возможностями и ресурсами. Вся планета поднялась на борьбу с вирусом. Но мы не могли сперва ничего сделать и терпели одну неудачу за другой. Вакцины не помогали, люди умирали уже в геометрической прогрессии. И тогда было принято решение о том, что мы должны спасти наш вид путем заселения Земли.

– Но почему вы просто не перевезли сюда свои технологии, культуру, историю и все остальное?!

– Да, это хороший вопрос. Первоначальный план предполагал именно такой вариант. Однако затем те несколько человек, от которых зависело принятие итогового решения, внесли существенные коррективы. Они посчитали, что необходимо начать заново во всех смыслах. И неправильно, создавая новый мир, новую цивилизацию, переносить туда хотя бы что-то, связанное с вымирающей планетой.

– Неужели все было настолько плохо?

– К сожалению, да. Пока мы смогли остановить вирус, на планете погибло две трети населения. Поэтому то решение принималось в сложной ситуации. И я считаю, что все сделали правильно. Теперь вы представляете другую цивилизацию. Многое у нас похоже, но в целом вы идете своим путем.

И складывается ощущение, что этот путь более правильный, чем наш.

– Ты серьезно?! У меня сложилось другое мнение о том, как вы относитесь к землянам.

– Павел, вы отстаёте от нас. Это нормально. Но то, что вы идёте своим путем, это очевидно. В отличие от нас, земляне не устроили масштабную войну с целью уничтожить друг друга при помощи оружия массового поражения. А это огромное достижение. Поверь мне.

– Не знаю, что сказать. Нам повезло. В нашей истории были люди, готовые снести ради своих идей все вокруг. Просто у них не было ядерных бомб. В противном случае вряд ли бы мы с тобой сейчас говорили.

– Всему свое время. Ты прав отчасти. Но я лично считаю, что ваша цивилизация более жизнеспособна, нежели наша. Вы умудрились сохранить все это невероятное многообразие и остаться самими собой.

– Федея, так как вы заселили Землю? Извини, что перевожу тему разговора, но это очень интересно.

– Ничего. Это я ушла со своими рассуждениями в сторо-

ну. Из того, что я знаю, могу сказать следующее: на Землю была отправлена внушительная миссия. Как ты понимаешь, исходя из того, что я тебе сказала, мы не могли привезти взрослых особей. Поэтому были завезены дети в возрасте до двух лет. Естественно, что самостоятельно они бы не смогли выжить. По этой причине наши ученые осуществляли контроль за ростом популяции. Так в том числе у вас возникли первые религии и верования. Потомки первых землян верили в существование высших сил, которые живут где-то на небе, следят за жизнью людей и вершат при необходимости свой справедливый суд.

– Я что-то такое и ожидал услышать. И что произошло потом? Я имею в виду вирус и то, как вы себя повели по отношению к землянам.

– Нам удалось это остановить. Мы нашли вакцину. Эпидемия закончилась быстро, вирус исчез, как будто его и не было. Что касается созданной на Земле колонии, то ее мы решили оставить. Изредка туда отправлялись миссии, с тем чтобы произвести наблюдение – и только. Было запрещено вступать в контакт и вмешиваться в ваши дела. Что бы ни происходило.

– Хорошо, я понял. Мы придумали религии, написали священные книги, где есть все о высших силах и том, как

нужно себя вести, чтобы попасть в рай, а это были вы. Но кто же создал вас?! Я сомневаюсь, что это могло произойти случайно.

– Я отвечу тебе честно. Мы до сих пор не понимаем этого.

– Несмотря на все ваши достижения в науке?! Несмотря на ваш опыт?!

– Да, именно так. И это может значить одно: тот, кто создал все, что мы знали, знаем или будем знать в будущем, умнее, сильнее и милосерднее всех нас вместе взятых.

Я отвернулся и стал тупо смотреть в стену. Попытки представить себе масштаб того, что мне рассказала Федея, привели к тому, что я в очередной раз завис. Но на этот раз мой мозг справился быстрее, чем раньше. Видимо, организм стал приспосабливаться к окружающей действительности. Все как обычно. Ты привыкаешь к чем-то, потом все резко меняется, и ты либо пропадешь, либо подстроишься.

– Хорошо. Я понял тебя. У меня, конечно, есть еще куча вопросов, но что-то мне подсказывает, что ты мне рассказала все, что могла.

– Да, так и есть. Но если у тебя есть другие вопросы, то я

ГОТОВА НА НИХ ОТВЕТИТЬ.

Я думал недолго.

– Да, есть несколько вопросов относительно того, как вы живете сейчас. Учитывая то, что вы находитесь очень далеко впереди по сравнению с нами в развитии, то мне интересно, как в целом у вас устроена жизнь.

– Хорошо, но я тебя сразу разочарую. Да, у нас есть много того, чего нет пока у вас. Но на определенном этапе мы поняли, что бездумное развитие науки не приведет нас к той жизни, который мы должны жить.

– Должны? Не подумай, что придираюсь к словам. Но правильное ли слово ты подобрала?!

– Да! – без паузы ответила Федея. – Возьми для примера вас. На большей части планеты главной идеей является свобода. Но свобода – это миф. Хорошо это или плохо – не имеет значения. Это так. Мы живем не в вакууме, вокруг нас живые организмы, поведение которых влияет на нашу жизнь. С этим все вынуждены считаться. Я уже не говорю про окружающую природу. Представь, что у тебя забрали воду. Сколько ты проживешь без нее? Трое суток?! А теперь давай предположим, что поменялся состав воздуха. Он стал непригоден

для наполнения организма достаточным количеством кислорода. Через сколько минут ты задохнешься и умрешь?! Думаю, что не более десяти или пятнадцати. Какая же тут может быть свобода?! Идея свободы хороша для политиков и неопытных цивилизаций. Мы ушли от этого давно.

– И к чему вы пришли? – спросил я нетерпеливо.

– К равенству, функциональности и достаточности.

– Вот так просто?! Так у вас коммунизм?!

– Я не знаю точно, что ты подразумеваешь под этим словом. У нас все стало просто. Мы рождаемся равными. Ты согласен?

– В целом, конечно, да, но есть условности. Разные культуры, социальное положение семьи. Это же сказывается на...

– Нет. Это ни на чем по-настоящему не сказывается. Те различия, про которые ты говоришь, являются недостатками вашего воспитания. Это были и наши недостатки в свое время. Не те ориентиры и ценности. И только. Ничего не может изменить истину, что мы все появляемся на этот свет одинаковыми. Поэтому, когда происходят условные разделения людей на группы, это неправильно. Конечно, это может

помочь в формировании особого типа общества. И в таком обществе некоторые люди на каких-то этапах могут жить, получая удовольствие. Но если смотреть на ситуацию в целом, то это общество внутренне нездорово. Есть предпосылки к недовольству от распределения создаваемых благ. К чему это приводит?! К тому, что приходится расширять число и полномочия тех, кто охраняет законы. Люди в группах руководствуются в своей повседневной жизни принципами приземленными и сугубо материальными. Они не виноваты. Их так научили. Они не умеют иначе.

– И вы считаете, что ваш выбор удачнее остальных?

– Конечно!

– Просто на первый взгляд это выглядит грустно. Что вся планета живет по одним и тем же правилам. Все одинаковые. Как-то тошно от этого.

– Ты смотришь на это своими глазами. Глазами человека, выросшего в других условиях. Ты привык к определенному образу жизни, и иной тебе кажется странным, однообразным и пустым.

– Скорее всего, ты права. Ты говоришь о равенстве, и у меня в голове сразу возникают ассоциации с социализмом

или коммунизмом. Равенство – это здорово, только то, как это было у нас, не принесло людям, жившим в таких условиях, желаемого равновесия и счастья. Было много своих недостатков. И в первую очередь это стремление власти задушить духовную жизнь, сделать людей нацеленными только на осязаемый результат. И эта бездуховность пропитывала все сферы жизни.

– Да, все верно. Главная ошибка земных экспериментов в этих вопросах была в том, что вы пытались разделить неделимое. Каждый из нас рождается с телом и душой. Тело предназначено для свершений материальных, а душа для перманентного развития. Это делить нельзя. Необходимо сочетать каждую из двух сторон таким образом, чтобы возникла гармония. Тогда не будет необходимости отдавать чему-то предпочтение.

– Мне будет нужно время для того, чтобы все обдумать. Надеюсь, ты разрешишь мне это сделать потом. Когда я останусь наедине с собой. А сейчас расскажи, пожалуйста, про то, как вы живете. В чем выражается ваше равенство и достаточность.

– Хорошо. Планетой управляют специально подготовленные люди. Высшие должностные лица. Под их контролем находится наука и ее правильное развитие и применение, управление экономикой и распределением того, что удалось

создать.

– Как же вы готовите этих людей к выполнению подобных обязанностей?

– У нас все с определенного возраста находится под пристальным вниманием тех, кто занимается воспитанием. Процесс отбора начинается сразу и длится до момента принятия решения, в каких сферах деятельности можно применить человека с его способностями и уровнем интеллекта.

– А кто занимается воспитанием?

– Им занимаются те, кто мудр и опытен. И имеет к этому виду деятельности определенный талант.

– И как же вы решаете, кто должен быть руководителем, а кто простым рабочим, или медсестрой, или уборщиком на улице?

– У нас нет разделения на, как ты говоришь, простую или непростую работу. В обществе все равны и одинаково необходимы. Что касается вопроса потенциальной эффективности человека, то существует система оценки. Здесь все просто: первоначальное и промежуточные тестирования, проба сил в различных сферах деятельности и выбор направления,

которое подходит наибольшим образом.

– Но мы же иногда просто устаем, наши взгляды и желания меняются в течение жизни. Как тогда быть?!

– Мы подходим к этому гибко. И не раз бывали случаи, когда, например, человек сперва был ученым, а потом стал выращивать хлеб. И наоборот, когда вначале он превосходно шил одежду, а затем, на рубеже своего столетнего юбилея, превращался в отличного руководителя. Энергия вокруг и внутри каждого из нас постоянно создает новые импульсы. Мы должны лишь правильно их использовать.

– Хорошо, я понял. А как долго люди у вас находятся у власти?

– Один вальдерский год. Он больше вашего почти в два раза.

– А что происходит потом?

– Потом они уходят, и приходят новые.

– А они успевают за такой относительно небольшой срок что-то сделать?

– Учитывая, что у нас нет политических партий, – конечно. Они управляют обществом так, чтобы все находилось в балансе и никто не нуждался. Поэтому двух лет достаточно.

– Как они все-таки становятся руководителями?

– Я говорила тебе про тестирование и опыт. Также существует балльная система. У всех на планете есть баллы. Люди их получают за то, насколько эффективно справляются с обязанностями. Деятельность оценивается получателем

ми услуг и коллегами того, кого оценивают. Соответственно, когда приходит время, виртуальная система предлагает на каждую должность по десять человек с лучшими показателями. И из них происходит выбор. Выбирают те, кто имеет право по принадлежности. Либо к территории, либо к предприятию, на котором должна замещаться руководящая должность.

– И у вас за все это время ни разу не было злоупотреблений властью или попыток подтасовать результаты выборов?

– Сперва, конечно, были разные инциденты. Но это имело место очень-очень давно. Около ста пятидесяти тысяч лет мы живем в абсолютной тишине без социальных потрясений, войн и голода.

– Хорошо, а совершают ли люди у вас преступления?

– Преступления материального характера? Нет! Их у нас не бывает! Но у нас, конечно, иногда происходят какие-то конфликты на бытовом уровне. Мы все еще люди. Поэтому иногда можем расстроить друг друга.

– Это очень интересно. Сразу возникает куча вопросов.

– Задавай, – с улыбкой сказала Федея.

– Во-первых, почему у вас не совершаются имущественные преступления? Ведь это, как мне кажется, является частью человеческой природы?! Я имею в виду зависть, желание получить то, чего у нас нет.

– Эти мотивы нам не присущи. Мы смогли создать правильную систему ценностей. Люди воспитываются на осно-

вании идей равенства. Все независимо от выполняемой роли в обществе получают одинаковое количество материального блага. Различие возникает только на основании имеющегося опыта работы. То есть чем больше твой стаж работы, тем больше ты получаешь. И это все.

– А управленцы?!

– Они получают столько же, сколько и рабочий с самым низким рейтингом. Быть лидером – это ответственность, уважение и самопожертвование.

– То есть они взваливают на себя кучу чужих проблем, а в итоге не получают ничего, кроме уважения?!

– Да, это так. Хотя из твоих уст это и звучит пренебрежительно. Ты, к сожалению, продолжаешь находиться под влиянием земных традиций. А у нас люди исходят из интересов всего социума. И в результате мы имеем сбалансированное, справедливое общество, где жизнь каждого отдельно взятого человека наполнена смыслом и положительными эмоциями.

– Хорошо, но как же вам удалось переделать психологию людей? Как вы смогли перепрограммировать мозги у целой планеты так, что никто не хочет воровать, пользоваться своим положением, ни у кого нет зависти и желания выделяться за счет предметов материального мира?

Она снова улыбнулась и на этот раз ответила не сразу.

– Павел, это было проще сделать, чем ты предполагаешь. Мы запаслись терпением и стали наставлять людей. Прошло всего пять поколений, и теперь у нас желание выделить-

ся проявляется только через возможность сделать обществу больше, чем получить от него взамен. Это наполняет нашу жизнь смыслом. Это является залогом того, что мы все вместе идем в нужном направлении.

– Вот так просто? Наставление?!

– Да, конечно. Ты не знаешь ничего о том, что происходит в окружающем мире, пока кто-то об этом не расскажет. Мораль, нравственность, религия, политические предпочтения, деньги, зависть, ревность и так далее. Все это может быть так, как сейчас у вас на Земле. А может быть как теперь у нас.

– Ясно. Я понимаю, о чем ты говоришь. Но как же у вас обстоит дело с любовью? Ведь это чувство, если оно искреннее, является с моей точки зрения самым главным. Именно оно помогает преодолевать трудности и справляться с потерями. Оно помогает ощущать себя частью чего-то большего.

– Павел, любовь, в отличие от многого другого, является неотъемлемой эмоцией человека. Ее невозможно искоренить. Она как цветок, который спрятали под бетоном. Он кажется слабым, неосязаемым и беспомощным, но через какое-то время ты видишь, как цветок выбирается на свободу и тянется к солнцу. Именно любовь лежит в основе всех наших идей и изменений.

– Федея, а что происходит у вас в личном плане? Я имею в виду семью, детей и все остальное.

Она засмеялась. Я не понял почему. Но ее настроение пе-

редалось и мне. На моем лице расплылась широкая улыбка.

– Почему ты рассмеялась?

– Я ждала, когда ты перейдешь к подобным вопросам. Скажем так, касающихся более простых сторон общественной жизни.

– А что в этом такого?! Мне интересно, как эволюционировали отношения людей в этом плане.

– Что именно тебя интересует?

– Как вы заводите детей?

– Это происходит так же, как и у вас. Природа и эволюция не придумали ничего лучше старого способа. Оплодотворение и все, что с этим связано, не отличается от того, что знаешь об этом ты.

– Хорошо. А как вы принимаете решение о том, что мужчина и женщина должны завести ребенка?

– Как ты понимаешь исходя из моих предыдущих слов, у нас есть любовь во всех ее проявлениях. Поэтому, если люди испытывают сильные эмоции друг к другу, то все получается само собой. Но мы понимаем, что одинокий человек не может жить полноценно. По этой причине у нас есть масса различных программ, которые помогают людям знакомиться и становиться ближе. И в прямом, и в переносном смысле.

– А кто воспитывает детей?

– Здесь также все было придумано задолго до нас самой природой. Детей должны воспитывать родители. Но общество принимает в этом процессе самое непосредственное

участие. Мы должны понимать, что каждый человек развивается правильно.

– Так, с этим мы разобрались. Еще один вопрос: а как у вас выглядит семья?

– Наши идеи не могут развиваться органично, если существует официальное разделение людей на небольшие группы. Поэтому на нашей планете люди просто живут вместе, если у них есть такое желание.

Затем нас вдруг прервал звук, который издал браслет Федеи. Она внимательно посмотрела на монитор, ее глаза стали серьезными. Федея извинилась, встала и предложила мне проследовать за ней. Через несколько минут мы оказались в комнате пилотирования. В ней находились Кейнгарн и Эркиза. Мужчины сидели на стульях и говорили на своем языке. Лица были сосредоточены и серьезны. Несмотря на наше появление, они продолжили разговаривать, не удостоив нас приветствием. Мы с Федей сели на стулья в другом конце отсека. Я вопросительно посмотрел на девушку. Она в ответ лишь примирительно улыбнулась, повернулась на стуле и стала что-то делать на компьютере.

Прошло около пяти минут. Кейнгарн резко поднялся со своего места и пригласил нас подойти к ним. Мы выполнили просьбу.

– Павел, добрый день. Извините, что пришлось прервать вашу с Федей беседу. Но обстоятельства вынуждают нас незамедлительно их обсудить.

– Добрый день, Кейнгарн. Эркиза, здравствуйте. Как у вас дела?

Бородатый силач приветливо кивнул мне головой.

– Здравствуй, Павел. У меня лично все прекрасно. Кейнгарн, ты не будешь против, если я объясню причину, по которой мы собрались?!

– Прошу тебя приступить, – ответил капитан.

– Павел, Федея, проблема связана с активностью, проявляемой землянами. Если коротко, то дело в том, что при разборе завалов в шахте, где ты работал, командой спасателей были найдены элементы твоего снаряжения. Кроме этого, там нашли остатки моего браслета. К сожалению, я его потерял, пока пытался тебя вытащить из-под камней. Мой браслет имеет особенность. Если он находится на расстоянии более пяти километров от меня дольше двух часов, то запускается режим самоуничтожения. Теперь я понимаю, что эту функцию нужно доработать. На данный момент разрушается только начинка, содержащая программное обеспечение и файлы памяти, а корпус остается почти не поврежденным.

У меня внутри все сжалось. Я представил себе людей, с которыми здесь познакомился, вместе работал. С некоторыми у меня сложились теплые дружеские отношения. Они наверняка расстроились из-за того, что произошло со мной. Я потерялся здесь на корабле в потоках свалившейся на меня информации. Все это увлекает и захватывает. Но мой мир находится там, а не здесь. Там люди, судьба которых мне

небезразлична. Там то, частью чего я буду до самого конца.

– Насколько понимаю, проблема заключается не в том, что они нашли, а в том, что решили теперь предпринять? – спросил я еле слышно.

Кейнгарн и Эркиза переглянулись.

– Да, ты правильно рассуждаешь, – ответил капитан. – Раньше мы могли просматривать вашу информационную систему и знали все, что происходит в колонии. С сегодняшнего дня там установлен режим тишины.

– Но до его установления мы смогли перехватить информацию об активации особого протокола защиты земной станции в случае возможности возникновения для нее угрозы, – сказал следом Эркиза. – Ты что-то знаешь об этом?

– Нет, конечно. Я инженер по образованию. Но здесь трудился обычным рабочим. Поэтому ничего сообщить по этому поводу не могу.

– Ясно, Павел. В общих чертах мы знакомы с тем, что там содержится, но, безусловно, нам необходимо знать больше. Чтобы мы могли принять правильное решение тогда, когда это потребуется.

Все они, включая девушку, внимательно смотрели на меня.

– Давайте попробуем подумать?! – предложил я. – Правильно ли понимаю, что они не смогут вас обнаружить?!

– Да, нас не смогут, – ответил капитан корабля.

– Хорошо. Что-тогда вас беспокоит?

– Для того, чтобы понимать, что нас может беспокоить, нам нужно знать, что содержится в протоколе. Или что достоверно собирается предпринимать руководство станции. Мы точно знаем, что у вас в наличие имеется ядерное оружие и, кроме этого, весьма мощная лазерная боевая установка, – сказал Эркиза.

– Допустим, что они там очень напуганы и готовы в любой момент все это применить. Но куда земляне будут стрелять?! Если вас они не смогут найти! – произнес я взволнованно.

– Поверь нам, Павел. Люди со станции могут направить удар на все, что, по их мнению, покажется потенциально опасным. Они очень далеко от дома, им страшно, и сейчас они опасны для планеты, – ответил Эркиза.

– Что в таком случае вы будете делать?

Здесь в диалог снова вступил Кейнгарн.

– Тебе пока нечего опасаться. Наша основная задача – это сохранить планету такой, какая она сейчас. Поэтому мы не сможем остаться в стороне, если что-то пойдет не так. Безусловно, Эркиза в состоянии прекратить существование земной колонии за несколько минут, но мы не хотим так поступать. С точки зрения длительной перспективы данное решение не приведет к позитивным последствиям.

Я стоял ошеломленный. Они стояли и серьезно говорили о том, что могут уничтожить нашу станцию со всеми людьми за считанные минуты так, как будто речь шла о выборе блюда на ужин.

– Что с тобой? – спросила Федея.

– Мне плохо. Меня сейчас, кажется, вырвет, – ответил я, глубоко дыша. – Как вы можете так спокойно говорить о том, что можете убить за какие-то секунды или минуты кучу людей, которые ни в чем не виноваты?!

– Павел, ты быстро забыл все, что я тебе рассказала про нашу историю. Мы не можем себе позволить размениваться на сантименты тогда, когда речь идет о благополучии целого мира. Да, я согласна с тобой. Подавляющее большинство колонистов не понимают, что происходит, и они не могут отвечать за возможные действия руководства. Но в случае возникновения реальной угрозы мы не сможем брать это в расчет.

– Мы не делаем из этого тайны. Но, как я сказал, у меня нет желания так поступать. Я предлагаю сделать иначе. Мы тебя подготовим, скажем, что можно говорить, а о чем лучше умолчать. И отправим обратно на станцию в качестве нашего посла.

– Кейнгарн, это очень ответственная миссия. Не уверен, что смогу с ней справиться. Может, нам лучше ничего не делать и они со временем сами успокоятся?!

– Павел, исключи страх из своих расчетов. Тебе будет проще принимать правильные решения. Земляне не успокоятся. Они нашли браслет, который, очевидно, не земного происхождения. И у них теперь, я уверен в этом, есть масса мрачных версий, связанных с твоим исчезновением. Поэто-

му правильнее всего приоткрыть им часть правды о нас. И сделать это должен ты.

Да, мне еще предстояло научиться справляться со своими эмоциями так, как это делают они. А сейчас я заломил на груди руки и стал расхаживать по отсеку. За мной наблюдали, но это меня не трогало. Предстояло принять очень важное решение. Но в целом уже было понятно, что они правы. Земляне скорее поверят своему, чем чужаку, пусть даже и похожему на них внешне. Кроме этого, отправляя меня, Кейнгарн и Эркиза не оставляют мне иного пути спасения моей собственной жизни. Либо я смогу правильно все объяснить и соединить между собой два мира, либо погибну вместе со всеми остальными от руки Эркизы.

– Хорошо.

– Хорошо? – переспросила девушка.

– Да! Хорошо! Я согласен сделать то, что предложил Кейнгарн. Давайте готовиться к моему возвращению.

– Отлично, – ответил капитан. – Павел, прошу тебя пока нас покинуть. Нам необходимо обсудить детали. Федея, проводи, пожалуйста, нашего гостя.

Оставшись один в своем отсеке, я стал представлять возвращение на станцию. Не думал, что это произойдет так скоро. Надеюсь, моих мозгов хватит, чтобы выполнить эту задачу. В этот день меня уже никто не беспокоил. Я спокойно поужинал, посмотрел старый фильм и, несмотря на предстоящее, быстро заснул.

Прошло три дня. Я вернулся на станцию и теперь находился в помещении освидетельствования. Меня окружали представители медицинского блока и руководства миссии. На данном этапе говорили мало. У всех без исключения на лицах были надеты маски фильтрации. Они боялись, что я притащил в себе какой-то вирус. Процедуры продолжались еще два дня. Затем ко мне в комнату принесли устройство для видеосвязи. Мужчина, настраивавший оборудование, сообщил, что в 17.00 состоится сеанс связи. В указанное время я был готов. Экран стал активным, и после короткой заставки с эмблемой HV-2102 на нем появилось четыре лица. Это были руководитель отдела обеспечения здоровья немец Альберт Мюллер, Карл Бергер и два его заместителя. По безопасности – итальянец Антонио Эспозито и по научной работе – израильтянин Давид Пейсахович. Карл без промедления взял слово.

– Павел, добрый день. Мы очень рады снова видеть тебя. Ты жив, и это замечательно. Извини, что пришлось тебя изолировать. Мы не можем рисковать здоровьем сотрудников станции. Поэтому решили понаблюдать за твоим состоянием и пока оградить от остальных. Альберт, сколько мы планируем его еще держать на карантине?

– Я думаю, что три дня точно. Дальше будем смотреть на анализы и принимать решение.

– Отлично. Уверен, что все будет хорошо и ты сможешь в ближайшее время снова стать полноценным членом нашей

колонии.

– Карл, большое спасибо за ваши слова. Но мне кажется, что вы организовали данную встречу не только для того, чтобы меня поддержать и посмотреть, как я выгляжу.

– Да, Павел. Ты прав.

– Тогда давайте не будем терять время.

– Согласен с тобой. Что ты можешь сказать о происшедшем в шахте?

По этому вопросу я сразу понял: они втягивают меня в свою игру. Хотят понять, что я помню, что знаю, что могу скрывать? Я ухмыльнулся и решил окончательно расставить все по местам.

– Карл, я только что предложил не тратить попусту время. А вы задаете такой вопрос. Давайте перейдем сразу к сути!

Они замолчали. После этого первым заговорил Антонио.

– Правильно ли мы понимаем, что к твоему исчезновению причастны неземные силы?

– Да, это так.

– Как именно все произошло?

– Я погиб под завалом. Находился в состоянии клинической смерти. Они меня спасли. Вытащили каким-то образом из пещеры мое тело и потом вернули к жизни.

– Кто они? – спросил на этот раз Карл.

– Это люди. Такие же, как мы. Только их мир намного старше нашего.

Мои собеседники старались выглядеть невозмутимыми.

Но даже не находясь рядом, я чувствовал их волнение.

– Ты можешь подробнее описать все, что с тобой произошло с того момента, как ты пришел в сознание? – поинтересовался Давид.

– Да, конечно.

Я потратил на рассказ около часа. Меня почти не прерывали. Лишь изредка Антонио и Давид задавали уточняющие вопросы. По окончании повествования я не чувствовал утомление.

– Зачем они тебя отпустили обратно? – спросил итальянец.

– Все просто. Они знают, что вы нашли браслет Эркизы. Знают, что на нашей станции есть оружие массового поражения. Моя задача заключается в том, чтобы дать вам понять их отношение к землянам и этой планете. Основная цель их миссии – это сохранить Квилесу в ее нынешнем состоянии. Ради этого они готовы пойти на крайние меры. Но ни Кейнгран, ни Эркиза этого не хотят. С их точки зрения – уничтожение нашей колонии означало бы провал их экспедиции. Они хотят установить контакт таким образом, чтобы это помогло обоим мирам сосуществовать.

– Павел, но ведь мы планируем со временем заселить NV-2102. Если твои новые друзья так хорошо осведомлены о нас, то уверен, что им известны и эти планы. Как же в таком случае они будут действовать, когда мы начнем переселение? – спросил Карл.

– Речь конечно идет об их условиях сосуществования. Нас корректно предупреждают о том, что нам пора задуматься и ограничить свою экспансию.

– Но разве это справедливо?! Разве две стороны так договариваются?! – воскликнул Антонио.

– А они не считают нас в полной мере дееспособными. Вы, видимо, плохо слушали Павла, коллеги. Если все действительно так и они создали нас, то мы для них лишь случайная ветвь эволюции. Результат принятого ими решения – и не более того, – неожиданно сказал Давид. – Они хорошо знают нас, нашу мотивацию и наши устремления. Для того, чтобы мы могли о чем-то действительно договориться, либо нам нужно подняться до их уровня, либо им опуститься до нашего. И то, и то невозможно.

– Давид, для меня это не имеет значения. Они же как-то общались с Павлом. Смогли донести до него свои идеи. Почему же мы не можем вступить с ними в переговоры и прийти к компромиссу?!

– Антонио, меня водили за руку, как маленького мальчика. Дали узнать то, что я мог понять. Объясняли мне на пальцах, как они живут и как к чему относятся. Поверьте, этот контакт для них не является равнозначным. В договоре стороны дают что-то другу. Поэтому этот договор и имеет смысл. В нашем случае мы им не можем ничего дать. Поэтому здесь и нет места для торга.

– Что же вы предлагаете сделать?! Остановиться в разви-

тии? Улететь обратно на Землю? – несдержанно произнес Карл.

– Я прекрасно понимаю ваше возмущение. Вы вложили очень много сил в то, чтобы здесь что-то создать. Вы считаете себя представителями высокоразвитой цивилизации. И в этой цивилизации вы ставите себя на достаточно высокое место с точки зрения уровня интеллекта. Вам сложно смириться с тем, что кто-то умнее, мудрее, сильнее вас. Но нам, Карл, нужно это принять. В противном случае не будет ничего. Они отнимут у нас не только возможность находиться здесь, но и наши жизни. И на этом все закончится.

– Хорошо. Что вы конкретно предлагаете, Павел? – спросил Давид.

– Я предлагаю отнестись с благодарностью к тому, что они протягивают нам руку. Постараться у них чему-то научиться. С моей точки зрения – это перспективнее для нас, чем все остальные действия, которые мы можем предпринять. Если говорить конкретно, то мы не должны нарушать экосистему планеты. Соответственно, нам не стоит значительно расширять зону добычи ископаемых и нужно перестать думать о переселении на NV-2102 людей в большем количестве, чем необходимо для обеспечения колонии.

– Ну что ж, спасибо тебе, Павел. Мы все очень ценим твой вклад. В любом случае нам необходимо взять какую-то паузу, чтобы все осмыслить, – резюмировал беседу Карл. – Благодарю всех за участие.

Экран через несколько секунд погас. Оставшись наедине с самим собой, я попытался представить свое будущее. Ничего приятного в голову не приходило. Очевидно, что мне не верят. Я не могу за это осуждать. Землянам сложно выйти за пределы того, что им известно об окружающем мире. И я всего каких-то десять дней назад не отличался от них. Время, проведенное на корабле у представителей цивилизации Хортенс, позволило иначе взглянуть на то, что ранее казалось незыблемым и несомненным. Я занял промежуточное положение между двумя мирами. Но по сути теперь не принадлежу по-настоящему ни к одному из них.

Взял в руки первую попавшуюся на глаза книгу из тех, что мне принесли медицинские работники. Это были судовые записки Христофора Колумба. Попробовал почитать, чтобы отвлечься. Не помогло. Взял другую книгу, третью. Результат оказался аналогичным. Не давали покоя мысли о том, как поступят люди из руководства нашей станции. Я не сильно беспокоился о своей жизни. Умирать, как оказывается, не так уж страшно. У меня появился в этом отношении некоторый опыт, поэтому сейчас волновали вопросы другого порядка. Уверен, что Карл и его коллеги воспринимают угрозу со стороны инопланетян реально. Им не известны достоверно их реальная мощь и возможности. На мои слова они в полной мере не могут положиться. Что дальше?! Как они поступят?!

С такими мыслями я лег на кровать и скоро уснул.

Через четыре дня мой карантин закончился. Там меня держали на специальной диете, поэтому после освобождения я первым делом полетел в столовую. Набрав все, что только попадалось мне на глаза, я уселся за стол в дальнем углу и стал, почти не поднимая головы, это уминать за обе щеки. На моем подносе были омлет и сосиски, блины с творогом, рыбный салат, запеченный картофель и жареная индейка, куча овощей и на десерт, конечно же, кекс с орешками. Я не заметил, как к моему столу приблизился Давид Пейсахович.

– Привет, Павел. Как дела? Как себя чувствуешь?

– Добрый день. Все отлично, спасибо, – ответил я с набитым ртом. – Присаживайся, Давид. Прошу тебя.

– Благодарю.

Он сел за стол напротив меня. Я продолжил есть, ожидая, что Давид заговорит со мной первым. Но он не спешил, внимательно изучая каждое мое движение. Мне стало некомфортно.

– Давид, если ты ждешь, когда я доем, то не стоит. Прошу тебя спрашивать то, что собирался.

Он был смущен и растерян.

– Я, право, не знаю, с чего начать. В такой ситуации... Я бы хотел... Было бы здорово... – неуверенно начал Давид.

– Давид, говори напрямую. Это, как мне кажется, самый простой и верный способ начать диалог.

Он улыбнулся, расправил плечи, и в его глазах я снова увидел уверенность в себе выдающегося ученого и практика.

– Да, Павел. Ты прав. Для меня, как для человека науки, процесс осознания того опыта, что пришлось тебе испытать, является безумно волнительным и интересным. Этот момент, этот этап станет поворотным в развитии всей нашей цивилизации. В этом я убежден. Независимо от того, как мы себя поведем по отношению к твоим новым знакомым.

Теперь я внимательно смотрел на него.

– Тебе что-то известно? Ты знаешь, что они хотят принять?

– Нет, мой друг. Они, безусловно, продолжают консультации со мной. Но я с их точки зрения являюсь лицом так или иначе заинтересованным. Поэтому решение будет приниматься без меня. Кроме этого, я знаю, что они запрашивали информацию в центре управления миссией на Земле.

– То есть мы с тобой в некотором роде теперь в одной лодке? – спросил я с улыбкой.

– Это так. И у меня это не вызывает положительных эмоций. Не потому, что мне неприятно твое присутствие в ней. А потому, что мы очень медленно учимся каким-то простым вещам.

– Но почему это так? Почему они считают правильным обойтись без тебя?!

– Здесь нет абсолютно ничего удивительного. Я ученый. С твоих слов, мы встретили здесь представителей цивилизации, которая находится на ином этапе развития. И меня это разрывает на части. С одной стороны, я должен принимать

взвешенные решения. С другой – я, как мальчишка, стою, широко раскрыв рот. Все бы отдал, чтобы оказаться на твоём месте.

– Давид, не забывай, что мне пришлось для встречи с ними умереть. В самом что ни на есть прямом смысле.

– Это меня не беспокоит. Все умрем рано или поздно. В данном случае я готов десять раз погибнуть, чтобы впоследствии стать свидетелем того, что видел и слышал ты.

– В таком случае я в твоём распоряжении. Готов ответить на интересующие вопросы.

– Спасибо. В первую очередь хотел бы услышать о твоём впечатлении о них.

– Я думал, что ты начнешь меня заваливать техническими вопросами. Как что выглядит, как работает?

– Это потом. Это, конечно, очень интересно, но для меня важно понять какие они в общении. Ощущается ли так сильно разница в нашем развитии?

– Да, она ощущается. Они другие. В них меньше земного. Нет страха, тщеславия, гордыни. Им чужды наши эмоции и переживания. Они могут смотреть на вопросы, которые перед ними стоят, беспристрастно и спокойно.

– То есть фактически это уже не мы?

– Можно и так сказать. Они долго живут. И ведут себя порой как роботы. Иногда в них замечаешь что-то трогательное и яркое. Но даже это выглядит иначе, чем у нас.

– Иными словами, если, условно, забрать у них все их до-

стижения в науке и общественном устройстве, то...

– То, Давид, они почти сразу снова оставят нас далеко позади. Это как догонять пешком того, кто едет на спортивном мотоцикле. Нечего и думать.

– Я хотел по-другому закончить фразу, но ты своим сравнением все расставил по местам.

– Извини. Но после того, как я вернулся, мне порой кажется, что вы все думаете слишком медленно и громоздко.

– Все в порядке. Меня это вдохновляет. Разговаривая с тобой, понимаю, что в некотором роде начинаю изучать и их. А ведь ты был с ними всего какую-то неделю. Как ты считаешь, готовы они чем-то с нами делиться? Я про технологии, науку, опыт.

– Сложно сказать. Они мне много рассказывали про развитие их цивилизации. Как и почему менялись. К чему пришли с точки зрения их отношения к обществу, науке, цели в жизни, смерти и так далее. Но технологии... Вряд ли. Сильно сомневаюсь. Они мне пару раз показали то, что у них есть. Уверен, что это было самое простое из имеющегося.

– Да, мы не способны владеть всем тем, что у них есть. Они это понимают. Поэтому и говорили с тобой о другом. Это очень интересно. Ведь и правда мы за всей этой чепухой с цифрами, атомами, формулами, ракетами и другими планетами забываем главное.

– Да. Ты прав. Кто даст малышу пяти лет в руки гранату?!

– Ну хорошо. А что же они все-таки хотят от нас?

– Я говорил об этом. Не вредить экосистеме. Не расширять существенно колонию. Не начинать заселение планеты.

– Но они же должны понимать, что в данном случае мы просто так, скорее всего, не отступим?! И если они правда нас создали, то почему у них нет чувства ответственности за нас?!

– Они нас создавали в экстренной ситуации. Чтобы возникли условия для выживания вида. А сейчас те, кого они создали, пытаются отобрать у них планету. Эти ребята очень практичные и стараются планировать развитие своей цивилизации на столетия вперед. У них есть такой опыт предвидения. Поэтому эта планета им нужна. И делить ее они ни с кем не будут. То есть либо мы играем по их правилам, ведем себя разумно, развиваемся и доказываем, что с нами можно вести диалог, либо у нас будут проблемы. Кстати, о проблемах. Не думаешь о том, что они у тебя будут из-за нашего разговора?

– Мы с тобой ничего плохого не делаем. Кроме этого, они все равно мне не доверяют. Хуже не станет.

– Не доверяют? Но ты же руководитель целого направления! И потом, ты присутствовал на нашей онлайн-встрече.

– Карл и Антонио обязаны были пригласить меня на эту встречу. Есть регламент, по которому я одно из лиц, чье при-

сутствие не обсуждается и не согласовывается. Но я знаю, что они делали это без особой охоты. И еще я знаю, что Карл отправлял сообщение на Землю относительно меня. Он не хочет продолжать работать вместе со мной.

– У меня не укладывается пока в голове. С чем это связано?

– Все просто. Я один из лучших на Земле. Поэтому я здесь. Но им нужен на такой должности не только ученый, а еще и человек, который готов пожертвовать интересами науки ради общего блага. А общее благо определяют они. Я с этим не согласен, поэтому мешаю им чувствовать себя уверенно при принятии решений.

– Вот поэтому Кейнгарн и его команда не доверяют нам. И не будут рассматривать нас как полноценную сторону в диалоге. Мы, как дети, все никак не можем прийти к общему знаменателю. Улетев так далеко, как никто еще не летал, мы все равно остались теми же людьми с теми же проблемами.

– Да, Павел. Ты прав. Их, как обычно, интересуют безопасность и рентабельность. И все это здесь и сейчас.

– Что будет дальше?

– Они боятся.

– Чего?

– Всего. Принять неправильное решение, потерять планету, признание, жизнь.

– Когда так много страхов, сложно принять взвешенное решение.

Давид не ответил. Он сидел молча. В его глазах читались неуверенность и смятение. Через минуту он, видимо, набравшись духа, сказал:

– Павел, я отправил свой доклад о ситуации на Землю. По известным лишь мне каналам. Карл об этом не знает.

– Зачем ты это сделал? Думаешь, что твое сообщение поможет там, на Земле, все правильно оценить?

– Я опасаясь, что они все испортят и погубят то, ради чего я прожил половину жизни. Поэтому буду предпринимать все, что в моих силах. Мы стоим на рубеже чего-то потрясающего. И я не могу позволить все это смешать со страхом и невежеством при выборе пути.

После этого Давид взглянул на часы, извинился и встал, чтобы уйти. Перед уходом он сказал, что готов в любое время видеть меня у него в гостях.

Оставшаяся на подносе еда уже не вызывала желание есть. Я осмотрелся. Многие в зале старались незаметно взглянуть в мою сторону. Среди них я заметил несколько моих знакомых. Они не подошли, чтобы спросить, как дела, или поинтересоваться, как я себя чувствую. Странно, как я стал здесь чужим, ничего для этого не сделав. Никому не хочется иметь проблем. Никто не хочет рисковать работой, деньгами, потраченным временем. А что там было на самом деле?! Да плевать! Разве это важнее очередной зарплаты или маячащего где-то вдалеке повышения по карьерной лестнице?! Я как-то резко устал. Встал и вышел из столовой, не обращая больше ни на кого внимания.

На следующий день я был предоставлен самому себе. Захотел дойти до своих коллег. Но оказалось, что сегодня их смена и все парни были в шахте. Меня это не расстроило. Не представлял, о чем я с ними буду говорить. Избитые темы о зарплате, планах на Земле, женщинах, еде в столовой стали мелкими и чужими. Они простые и искренние люди, но такая простота меня больше не привлекала. Здорово, что у меня все еще есть моя комната. Мой островок одиночества. Я могу снова, как я любил раньше, приглушить свет и унести в своих мыслях максимально далеко. В такие моменты мне никто по-настоящему не нужен. Я – целая вселенная. Остальные люди – лишь образы минувшего или настоящего. Они как тени, их как будто нет и никогда не было.

Проведя почти весь вечер у себя в отсеке, я решил перед

сном пройтись по станции. Робко зашел в столовую. Здесь было мало людей. Меня это устраивало. Не хотелось снова быть в центре внимания. Взяв чай и блины с медом, занял первое попавшееся на глаза свободное место. Я попытался разобраться в своих ощущениях и предчувствиях, но интуиция спала глубоким сном. Оглянулся. Вокруг не было никого из тех, с кем бы мне хотелось поговорить. Поэтому после завершения ужина я встал и, глядя себе под ноги, вернулся обратно в свою комнату.

На следующий день меня рано утром вызвали к руководству колонии. Я зашел в тишину небольшого кабинета департамента управления безопасности. Здесь меня ожидали Карл, Антонио и неизвестный мне мужчина лет сорока пяти. У него был бледный цвет лица и колючие неприятные глаза. Как ни странно, первым заговорил именно этот незнакомец.

– Павел, добрый день. Прошу вас присаживаться. Меня зовут Игорь. Я являюсь заместителем Антонио по отдельным вопросам безопасного функционирования станции.

– Спасибо, Игорь. Мы с вами соотечественники? Вы тоже из России?

– Да, вы правы. Я, честно говоря, не думал об этом перед началом беседы. Для вас это что-то значит?

– В целом ничего не значит. Подумал о том, что мы с вами не только с одной планеты, но и из одной страны. А здесь сидим по разные стороны стола.

– Понимаю. Сожалею о том дискомфорте, который вам

приходится испытывать в этой ситуации. Однако поймите нас правильно. Существует высокая ответственность за миссию, развитие наших программ. За жизнь людей, в конце концов.

– Люди в последнюю очередь?

– Да, люди в последнюю. Очень много было сюда вложено. И я говорю не только о деньгах. Поэтому, конечно, я и мои коллеги исходим из утилитарных соображений. Если бы мы ценили жизнь выше пользы для общества, то не смогли добраться так далеко от Земли.

– Ваши слова звучат убедительно. И я бы сам недели две тому назад согласился с этим. Но теперь у меня есть возможность смотреть на вещи иначе. Игорь, если бы здесь не было полезных ископаемых – мы бы сюда прилетели?! Потратили бы мы столько ресурсов, как вы говорите, только на научные цели?! Сильно сомневаюсь. Оглядитесь! Даже сейчас здесь в этом кабинете нет того, кто в колонии руководит наукой.

– Коллеги, ваш обмен мнениями очень интересен. Но позвольте вас прервать. Павел, вы приглашены для того, чтобы мы могли озвучить принятое нами решение. Реализация этого решения предполагает ваше непосредственное участие. Поэтому прошу настроиться на конструктивный лад, – прервал наш спор Бергер.

– Извините. Я внимательно вас слушаю.

– Итак, – продолжил Карл. – Мы считаем, что риск от присутствия здесь представителей более высокой цивилизации

достаточно высок. Мы понимаем, что нам нечего им предложить. Поэтому во избежание конфликта и в целях продолжения нашего собственного развития мы считаем, что нам следует пойти на уступки. Какими бы они ни были. Сейчас и в обозримом будущем.

– Карл, мне сложно что-то сказать. Я поражен тем, что сейчас услышал, – произнес я искренне. – Это невероятно, но я приятно удивлен.

– Павел, ваши эмоции в целом понятны. Но, исходя из ситуации, они излишни. Мы не можем поступить иначе. Но все не так просто. Мы хотим, чтобы вы снова отправились к ним и переговорили относительно условий соглашения. Если их ультиматум, конечно, можно так назвать.

– Карл, я не совсем понимаю, что вы имеете в виду! Все требования они отправили через меня. Я их озвучил. К тому же как вы себе представляете нашу встречу?! Мы не сможем установить их местоположение, если они этого не захотят. Я буду гулять по планете, пока у меня не кончатся силы?!

– Мы считаем, – вступил в разговор Антонио, – что они следят за нами. И как только они поймут, что ты идешь к ним, чтобы поговорить, сами тебя найдут. Кроме этого, мы отправим данную информацию по всем возможным для нас каналам. Считаем, что уровень их технического обеспечения позволит перехватить наши сообщения.

– Павел, постарайся понять, насколько это важно, – заговорил Игорь. – Как бы ты ни относился к нам, нашим прин-

ципам и тому как мы принимаем решения. Но сейчас на кону не только амбиции, вложенные и полученные с месторождений деньги, жизни людей. Речь о том, сможем ли мы и дальше развиваться и осваивать космическое пространство, или нас отбросят далеко назад. Мы не требуем невероятного. Нам нужно удостовериться, правильно ли они нас поняли. Для этого необходимо попробовать их найти и поговорить. Просим это сделать тебя, так как ты уже имеешь подобный опыт. Что скажешь?

Я ответил не сразу. Мною овладело волнение. Я не планировал более участвовать в каких-то приключениях. Плюс не нравилась идея брать на себя ответственность за всех и все вокруг. Но доводы моих собеседников были более чем убедительными. Поэтому я решил согласиться.

– Замечательно! – поддержал меня Карл. – Также информирую тебя, что после окончания данной миссии ты отправишься на Землю. Мы заплатим тебе выходное пособие в размере годового оклада и назначим пожизненную пенсию. Я не хотел этого говорить до принятия решения, чтобы тобой не руководили соображения материального характера.

Я смотрел на него с благодарностью. Не ожидал, что мое участие будет оценено так высоко.

– Спасибо, коллеги. Мне очень приятно ваше отношение ко мне. Прошу извинить, если задел вас ранее своими высказываниями.

– Ничего страшного, – произнес Игорь. – Мы все люди.

И все разные. Главное, чтобы мы смогли безболезненно завершить данный вопрос и продолжить здесь свою работу. А такой человек, как ты, будет полезен и на Земле. Сможешь продолжить сотрудничество с космическим агентством в качестве консультанта. Я уже переговорил по этому поводу. Конечно, если у тебя будет такое желание.

– Ничего пока не отвечу. Мне нужно подумать. Но предложение очень лестное. Спасибо!

– Не стоит. Так, теперь давайте обсудим все детали предстоящей операции. Нам нужно спланировать твой маршрут и перечень того, что тебе надо взять с собой.

С совещания я вышел только через полтора часа. Голова была немного перегружена деталями предстоящего путешествия. Говорили много, и почти все нужно было запомнить. Инстинктивно отправился в столовую и съел там кучу сладкого, чтобы разогнать свою мозговую активность.

Долго не мог потом заснуть. Несколько раз вставал и ходил по своей комнате. Думал о новой миссии, о Кейнгарне и его команде, о нас. Если земляне способны на принятие подобных решений, то мы не безнадежны. Я становлюсь свидетелем невероятных событий. Мы растем сами над собой. И здесь, так далеко от дома, находимся неспроста. Мы действительно заслужили это. И как же интересно, чего сможем достигнуть в будущем. Главное, не терять этого настроения, не скатиться снова в яму тщеславия, гордыни и стяжательства. Очень хотелось скорее встретиться с Федеей и Эркизой, что-

бы все это обсудить.

На следующий день я был спокоен и сосредоточен. Меня еще раз коротко проинструктировали, после чего дали все, что необходимо в пути.

– Павел, ты полетишь на этом космолете с Джеймсом. Он доставит тебя до места, которое мы указали в наших радиосообщениях. Повторюсь, мы надеемся, что они тебя там встретят. Точка находится на расстоянии пятидесяти километров от станции. За той грядой на западе. Если что-то пойдет не так, то дашь нам сигнал, и мы сразу за тобой вернемся. Есть ли какие-то вопросы? – сказал Игорь.

– Нет, спасибо. Все понятно. Лишняя информация может сбить с толку.

Провожающие меня как-то сдержанно улыбнулись. Не придав этому значения, я пожал им руки, развернулся и отправился в сторону ожидавшего меня корабля. Пилот уже запустил двигатели, и они издавали приятный ровный гул. Джеймс летел спокойно, однако уже через пять минут после взлета мы были на месте. Я выбрался из транспорта и огляделся. Пилот тут же поднял корабль в воздух и, резко развернувшись, улетел в сторону станции. Я еще раз посмотрел по сторонам. Оставив свой рюкзак на видном месте, по-

шел прогуляться. Эта та часть планеты, где ничего выдающегося с точки зрения природы не встретишь. Камни и редкие сухие кусты составляли собой весь пейзаж. Вдруг подул резкий сильный ветер, который чуть не сбил меня с ног. Затем, обернувшись, я увидел, как из воздуха материализовался звездолет цивилизации Хортенс. Он плавно опустился на поверхность планеты, и почти сразу я увидел идущего в мою сторону Эркизу. Я был очень рад его снова увидеть. Издалека уже были заметны широченные плечи и огромная борода. Он подошел ко мне и встал в двух метрах. Я улыбался, а его лицо было непроницаемым. Это меня смутило.

– Эркиза, добрый день. Как у вас дела? Меня отправили к вам с миссией.

– Павел, приветствую тебя. Мы в курсе относительно твоей миссии.

– Почему вы так серьезны? Я допустил какую-то ошибку?

– Да, это так. И эта ошибка могла стать самой главной в твоей жизни.

– В чем дело?

– Ты доверился тем, кому нельзя верить. Почти каждое их

СЛОВО БЫЛО ЛОЖЬЮ.

– Я не понимаю вас.

– Они уговорили тебя лететь к нам только для того, чтобы понять наше местонахождение. Скоро по нам будет нанесен ядерный удар, который, по их мнению, должен стереть все следы нашего пребывания на планете.

– Я не могу поверить в это! Они сказали, что готовы договориться! У меня с собой подписанный ими меморандум.

– Павел, соберись! Твои люди использовали тебя как приманку. Ты им нужен только до того момента, как они получают подтверждение, что мы прилетели. Над планетой курсирует несколько ваших спутников. И один из них сейчас как раз над нами.

– Может, тогда не будем здесь стоять?! Мы же можем быстро улететь туда, где нас не достанет взрыв?!

– Павел, не стоит переживать. Это все мелочи. Поверь, нам ничего не грозит. А вот и она!

Я посмотрел направо и увидел быстро летящую по небу ракету. Она оставляла за собой чуть заметный след. Это зре-

лице меня парализовало. Я не мог оторвать свой взгляд, не мог пошевелиться и что-то сказать. Меня привел в чувство Эркиза, дотронувшись до моего плеча. Я вздрогнул и внимательно посмотрел на него. Эркиза стоял и спокойно улыбался. На его лице не было заметно и тени тревоги. Ракета стремительно приближалась. Очень хотелось сжаться, зажмурить глаза, превратиться в ничто. Я весь взмок. Меня трясло, но я продолжал стоять и смотреть. И вот в последний момент, когда до нас оставалось около двухсот метров, Эркиза поднял правую руку и направил ее в сторону летящей в нашу сторону смерти. Ракета стала быстро замедляться. Через мгновение она замерла почти над нашими головами. Мне показалось, что я могу различить написанную на стальном корпусе маркировку. Мой спутник резко поднял свою руку вверх, и снаряд вместе с этим взмыл в небо. Через несколько секунд я уже не видел ракеты. Потом произошла вспышка. Вздрогнув, я бросил свой взгляд на Эркизу. Он был так же спокоен.

– Не переживай, Павел. Я направил ее на ваш спутник. Тот, что сейчас помогал им подсматривать за нами. Ракеты и спутника нет. Все будет хорошо.

– Но зачем же вы тогда сюда прилетели?! Если знали, что они меня используют?! Что будет нанесен удар?!

– Да, у нас были другие варианты. Не буду скрывать, что я настаивал на превентивном ударе по вашей станции. Но потом Кейнгарну и Федее удалось меня переубедить. Хоть это и было непросто. Мы решили пойти другим путем.

– Каким же?

– Пойдем со мной на корабль. Там все обсудим.

И вот я снова сижу в отсеке пилотирования в окружении Кейнгарна, Эркизы и Федеи. Меня тепло поприветствовали, и я признался, что очень рад их снова видеть.

– Однако эти обстоятельства мне представлялись иначе, – произнес я. – Не думал, что испытаю такое.

– Да, Павел. Мы тоже до последнего надеялись на иное развитие событий. К сожалению, теперь у нас нет другого пути, кроме как вмешаться в ситуацию напрямую, – ответил капитан корабля.

– Кейнгарн, у меня к вам вопрос. Вы могли с нами не церемониться и просто уничтожить всю нашу станцию со всеми обитателями. Это было бы ужасное, но, с моей точки зрения, понятное решение. Я искренне благодарен вам за очередное спасение, но почему вы не поступили рационально?

Зачем все это?!

– Потому что мы убеждены, что вы, земляне, находитесь на правильном пути. Однако, исходя из уровня вашего общественного развития, наверху часто оказываются люди, не способные с моральной и интеллектуальной точек зрения вести за собой. Но остальные не должны из-за этого страдать.

– Мне сложно сейчас что-то сказать. Что же планируете предпринять?

– Очевидно, что мы должны избавиться в вашей колонии от тех людей, которые создали эту ситуацию?

– Как? Убить их?

– Нет. Все немного сложнее. Мы их отправим отсюда обратно на Землю.

– Но они будут сопротивляться до последнего. Я в этом уверен.

– У них не выйдет, – парировал Эркиза. – Мы блокируем работу всей техники. Кроме этого, у нас есть аппарат, создающий направленные лучи, способные парализовать любое живое существо. При подлете мы им воспользуемся.

Через двадцать минут мы были на станции. Первым шел широкоплечий бородач, открывая перед нами двери. Тут и там на полу лежали люди. Они провожали нас взглядом, но не могли ничего ни сказать, ни сделать. Мы дошли до конференц-зала. Федея взяла меня за руку и попросила подождать здесь. Я занял место недалеко от входа. Было непривычно тихо. В проходе шагах в двадцати от меня лежало три человека. Один из них упал так, что теперь имел возможность смотреть в мою сторону. И он смотрел. С ужасом и интересом одновременно. Но меня это не беспокоило. Я думал о другом. О своей жизни после этого дня. То, что произошло, уже не отменить и не исправить. Я стал предателем. Причем предателем убежденным. Был у меня выбор поступить иначе или нет – уже не важно. По сути я захватил станцию вместе с представителями другой цивилизации. Ждал с нетерпением, когда смогу взглянуть в глаза Карлу, Антонио и Игорю. Прокручивал в голове различные сценарии встречи с ними. Эти люди обнулили меня в своих расчетах, попытались убрать с доски, как ненужную пешку. А я сижу здесь. Я живой. И чувствую себя сильнее всех их вместе взятых. Не потому ли, что теперь за мной приглядывают мои новые всемогущие друзья?! И поэтому тоже. Но в первую очередь из-за того, что я стал другим. Эта череда событий предложила мне два варианта: испугаться и остаться прежним или сжать кулаки, освободить свой разум и измениться. На пути

к этому новому мне пришлось умереть, но это допустимая цена для изменений такого рода.

Через некоторое время в конференц-зал пришли Кейнгарн и Эркиза. Они привели с собой одиннадцать человек. Кроме Карла, Антонио и Игоря, никто лично мне не был знаком. Их всех усадили в кресла на два ряда ниже того, где сидел я. Почти сразу за этим появились Федея и Давид. Он был сконцентрирован и напряжен. Я встал и пошел ему навстречу. Увидев меня, он непроизвольно улыбнулся.

– Привет, Давид. Как у тебя дела? – спросил я.

– Павел, здравствуй. У меня все отлично. Я рад тебя видеть. Мне уже рассказали, что сегодня мог быть твой последний день. Еще один последний день за этот месяц. Как у тебя настроение?

– Настроение хорошее, учитывая то, что я все еще жив. Как понимаю, вы уже успели подружиться?

– Павел, это сложно назвать дружбой. Мы знакомы меньше часа. Но, как оказалось, их и мои интересы совпадают, – ответил Давид.

Я вопросительно посмотрел на девушку.

– Да, это так. Мы считаем, что Давид в состоянии помочь нам всем выйти из этой ситуации. Но об этом потом. Сейчас необходимо решить вопрос с ними, – сказала Федея.

Мы подошли к Кейнграну и Эркизе. После этого капитан заговорил спокойным ровным голосом, обращаясь к плен-

никам.

– Прошу внимания. Вы все обвиняетесь в том, что пытались организовать уничтожение нашей команды и корабля. Кроме этого, вы пытались убить Павла, которого обманом уговорили предпринять попытку нас найти. Очевидно, что тем самым продемонстрировано ваше отношение к нам, к нашему возможному взаимодействию и к планете, забота о которой является главной задачей нашей миссии. По этой причине мы приняли решение о вашей принудительной депортации на Землю. Как вы уже, надеюсь, поняли, наши технологии и уровень развития намного выше вашего. Поэтому не предпринимайте более никаких попыток враждебного характера. В следующий раз возмездие будет иным. Ваш корабль для отправления на Землю будет готов через час. Там будет все необходимое для успешного возвращения. Есть ли у вас вопросы?

– Да. Есть. Кто будет управлять колонией? Вы собираетесь отправить на Землю почти всех, у кого есть опыт и знания в этом отношении, – сказал с вызовом Карл.

– Не беспокойтесь. Вы совершенно напрасно такого невысокого мнения о ваших коллегах, остающихся здесь. С нашей точки зрения, они справятся.

– Вы хотите оставить главным Давида? Но он же, кроме науки, ничего не видит и готов ради нее на все. Неужели вы это не понимаете?! Что во главе должен быть человек с другими взглядами?!

– Карл, не вам судить других! – уверенно вступил в разговор Эркиза. – В результате принятых вами решений могла погибнуть вся станция. Скажите спасибо капитану нашего корабля и Федее. Они уговорили меня поступить с вами по-другому.

– Но как же добыча ископаемых?! Что будет с ней?!

– Она продолжится под контролем тех землян, что останутся здесь. Они же будут распоряжаться выгодой от этого. Нам это не интересно, – произнес Кейнгарн.

– Но... – Карл попытался снова что-то сказать, однако его тут же перебил Эркиза.

– Давайте не будем продолжать эти пустые разговоры. Через час вы улетаете на Землю.

Карл замолчал, но его голова была также гордо поднята как и всегда. Остальные, в том числе Игорь с Антонио, выглядели растерянными. Я не смог удержаться и заговорил.

– Я не буду скрывать. Сейчас сидел здесь и представлял, как вас встречу. И вот теперь все слова, что подбирал, куда-то делись. Вы просто запутавшиеся слабые люди, которые не в состоянии избавиться от своих страхов. Хочу сказать вам спасибо. Я все это время пытался понять – кто я теперь?! На чьей стороне?! Я сам был в плену неправильного отношения к окружающему. И вы своим поступком помогли от этого избавиться. Стало понятно, что нельзя нас делить в зависимости от того, с какой мы планеты. Главное, что мы, каждый из нас, представляем собой. Как мы относимся к себе и другим, как поступаем и как реагируем. Поэтому я согласен с нашими новыми друзьями: вы тут не нужны! Скажу больше: с моей точки зрения вы не нужны и на Земле, но должен же кто-то там рассказать о том, что здесь произошло. Надеюсь только, что вам хватит порядочности сделать это честно.

Я замолчал и посмотрел на Кейнгарна. Он улыбнулся. Затем пленников увели готовиться к полету. Я остался в зале с Давидом. Мы долго сидели молча. Потом я спросил:

– Как ты думаешь, мы справимся?

– Ты о том, чтобы оправдать их веру в нас?

– Да.

– Не знаю, Павел. Мы с ними очень разные. Они знают намного больше, видят дальше и по-другому ко всему относятся. Тут речь только о нашем желании себя менять.

– Только желание? И все? Это весь рецепт?

– Да. Понимаешь, я считаю, что все вокруг имеет одинаковый энергетический потенциал. В любой точке вселенной. И, чтобы превратить эту потенциальную энергию во что-то реальное, нужно лишь желание действовать. Тогда все становится возможным.

Мы замолчали. Через какое-то время я ощутил сильное чувство голода. Оно пробилось сквозь охватившие меня переживания и мысли, напомнив о том, что иногда все проще, чем кажется. Я повернулся к Давиду.

– Пойдем в столовую?! – предложил я. – Ужасно хочу есть!

– Да, пошли. Я тоже успел проголодаться. Съел бы сейчас слона.

Улыбнувшись друг другу, мы встали и покинули конференц-зал.